

МАРАТ КАБИ

РОБОТЫ НЕ УМИРАЮТ

Марат Каби

Роботы не умирают (сборник)

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Каби М.

Роботы не умирают (сборник) / М. Каби — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Это сборник от автора Марата Каби. В его состав входят следующие произведения: романы “Маска Киборга” и “Код спасителя”, рассказ “Роботы не умирают”, сказки “Я стану свободным ветром” и “Мальчик и хрустальный шар”.

Марат Каби
МАСКА КИБОРГА

Ночной город всегда вызывал в нем чувство противоречия. Красота огней, яркая беззаботность рекламных щитов, величие зданий, освещенных прожекторами, привлекали, очаровывали. Но в то же время он ни на секунду не позволял себе забыть, что этот величественный город таит в темноте переулков ненависть и жестокость, что зло скрывается там, куда не достает свет ночных фонарей.

Здесь, на крыше небоскреба, гул машин почти не нарушал тишины. Ветер играл полами его плаща, развевал его темные волосы, обычно спадающие на лоб. Он подставил ветру лицо и ощутил дуновение на левой щеке. Луна вышла из-за облака, луч выхватил из темноты его белое лицо – печальная маска Пьеро с навечно замершей на щеке слезой. Спокойствие и величие этого города обманчиво, нельзя терять бдительность, город не будет ждать.

Его слух уловил drobный стук каблучков. Он чуть поморщился, концентрируясь: искусственная ушная мембрана выделила этот звук из ночного гула. Он всмотрелся вниз, туда, где, не подозревая о его присутствии, торопливо шла худенькая девушка. Стук ее каблучков отзывался эхом, отражаясь от глухих кирпичных стен. Девушка испуганно оглядывалась: отзвук чьего-то выкрика, скрип тусклого фонаря, крысиная возня в мусорной свалке – каждый шорох казался ей враждебным. Даже звук ее собственных шагов казался слишком громким, способным привлечь опасность. Ей хотелось скорее миновать эту темную, освещаемую единственным уцелевшим фонарем улицу и оказаться среди людей, в свете ярких витрин, рядом с мелькающей фарми машин дорогой. Стук каблучков становился все чаще, ветер толкал ее в спину, путал ее длинные рыжие волосы, закрывая ее лицо, заставляя глубже прятать руки в карманы короткой кожаной куртки.

Человек не способен противостоять злу. Стоявший на крыше приблизился к краю. Зло правит миром, а человек слаб. За спиной его бился плащ, плечи были спокойно разведены, мерно поднималась и опускалась грудь. Человек слаб, страх живет в нем с рождения. Ветер ударил в его лицо с новой силой, он выше поднял подбородок, в свете луны блеснул металл. Но страха нет здесь. Страх умер вместе с человеком. Он шагнул в пустоту и разом окунулся в ночную темноту города.

.....

Страх умер во мне вместе с человеком. Теперь я – Мститель, машина, не чувствующая страха.

...Ловко приземлился – вышло почти беззвучно, ноги по-кошачьи пружинисто коснулись земли. Темная улица, на которой я оказался, изгибалась и сужалась, будто ей трудно было протискиваться между тесно расставленными громадами домов. Девушка достигла подрагивающего круга света, пролитого фонарем, ее волосы блеснули медью, и через мгновение вся ее фигура снова скрылась в темноте. Несмотря на обостренный от страха слух, она не заметила, что за ней следует человек в темном плаще.

Я на секунду остановился, чтобы оставить в стене микрокамеру. Привычно ощутил тяжесть капсулы-зонда, выдвинувшейся из ладони, и точным движением послал ее в стену угрюмого здания напротив. Острый наконечник легко вонзился в кирпич, прочно закрепив капсулу. Все в порядке, радар активизирован. Я чувствую привычное напряжение в правой части головы. Это в правый глаз – изящнейшее устройство, вживленное в человеческую плоть, – по тончайшим микросхемам передается сигнал. К обычному зрению прибавилось изображение улицы, зафиксированное камерой. Мститель чуть заметно кивнул.

– Повеселимся, парни! – чуткая мембрана выхватила грубый голос из множества звуков. Легкое жжение в правом виске, от напряжения чуть заметно дрогнули брови на бледном лице, и тут же обострился нечеловеческий, механический слух. Голова наполнилась звуками, они переплетались в невыносимом хоре: голоса прохожих из соседнего квартала, шум улицы, гуде-

ние машин, нестройное пение бездомного соединились с ритмом танцевальной мелодии, раздающейся из колонок торгового центра, возня осмелевших крыс и завывание ветра меж стен заброшенного здания. Концентрируйся! Шум утих. Четко слышны только неровный перестук каблучков рыжеволосой девушки и агрессивные голоса, они совсем неподалеку... Здесь, за углом.

Тусклый фонарь качнулся от налетевшего ветра и беспомощно моргнул.

Голоса, отзывающиеся в голове Мстителя, принадлежали группе парней. От таких веет животной агрессией, даже когда они поодиночке просто проходят мимо, толкнув плечом, заходят в метро, цепко ощупывая взглядом пассажиров, усмеваются, показывая зубы. У таких парней взгляд исподлобья, в котором читается постоянная готовность ударить. Они всегда сбиваются в стаи, им необходимо подпитываться злобой друг друга.

– Повеселимся! – это голос бритоголового, крепкого парня. Он демонстрирует неестественно накачанные бицепсы, поигрывая массивным ножом. Вздувшиеся мышцы грудной клетки и рук – дело явно не обошлось без стероидов. Рядом с ним высокий длинноволосый парень, в его руке мерно покачивается тяжелая цепь, с не меньшим изяществом она опустится на голову невезучего прохожего, в этом сомнений нет. За их спинами переговариваются еще два головореза, со смехом задирая друг друга. Они должны контролировать другую часть улицы. Чуть ближе к углу дома – худой, долговязый пацан. Мешковатые штаны и толстовка призваны скрыть его худобу. Он крепко зажал в руках битую и, примеряясь к удару, рассекает ею воздух. В его движениях решительность: кто бы ни появился из-за поворота, получит сокрушительный удар в голову. Этот пацан ударит настолько сильно, насколько сможет, ведь тогда он будет принят. Не принятый никем, он должен быть принят хотя бы здесь, в этой стае.

– Раскroiшь башку первому, кто подвернется, – станешь одним из нас. Станешь частью банды койотов! – выкрикивает ему в спину длинноволосый.

– Не беспокойся, скоро здесь будет много крови! – парень старается отвечать как можно беззаботнее, но в его голосе проскальзывает напряжение.

«Много крови!» – отдается в голове Мстителя. А стук каблучков слышится все дальше.

«Эти парни мне не нравятся, Ларри...» – он проговаривает это про себя, зная, что искусственный интеллект Ларри, его друга, его помощника и проводника, уже просчитал возможный ход событий.

– Учитывая обстоятельства, существует лишь один вариант последовательности событий, – механический голос Ларри, как всегда, не заставил себя ждать.

Напряжение в правом виске сменилось визуальными образами: все движется мучительно медленно, и можно рассмотреть в подробностях каждую деталь. То, как фонарь, качнувшийся от порыва ветра, все еще не может оправиться от этой встряски, и лампочка все мигает, но почти не дает света. То, как девушка поворачивает за угол и делает шаг навстречу парню с занесенной битой. Как расширяются ее глаза и раскрывается рот для крика, который не успевает прозвучать. То, как, описав дугу, бита рассекает ее левый висок, как закидывается ее голова, как руки в беспомощном взмахе отпускают сумочку, из которой на грязный асфальт летят телефон, губная помада, ключи с забавным брелоком, маленькое зеркальце, дающее трещину, ударяясь о стену. Можно увидеть, какими стеклянными стали глаза парня, заносащего битую для повторного удара, как из рассеченного виска девушки течет кровь, заливая лоб, окрашивая в темное рыжину ее волос, спускаясь вниз по щеке к шее, затекает за ворот куртки. Как медленно бита опускается на ее голову второй раз и как красные брызги становятся алмазными, попав в свет мигнувшего фонаря. Как все застилает темнота смерти...

Видение промелькнуло за долю секунды. Фонарь качнулся назад и, наконец, снова слабо осветил часть улицы. Лицо Мстителя стало чуть бледнее, на белой маске Пьеро заметнее очертилась нарисованная черным капля слезы.

– Я понял тебя, Ларри.

Остановить ее, просто попросить ее, просто сказать...

– Подождите, девушка! – его механический голос звучит еще более гулко, отражаясь от кирпичных стен. Девушка испуганно оборачивается, она не ждала, что кто-то идет за ней в темноте.

– Что вам нужно? – бросает она и ускоряет шаг, приближаясь к повороту, к стае койотов, к занесенной для удара бите.

– Подождите, прошу. Пожалуйста, вам не нужно туда идти!

Как успокоить ее? Как объяснить, что он не причинит ей вреда, что там, за углом, ее ждет смерть? Он вытягивает руку – в ней нет оружия, это мирный жест.

– Прошу вас, не надо идти туда.

Испуг на лице девушки сменяется раздражением, даже злостью. Еще один ненормальный, возомнил о себе невесть что, нацепил плащ и разгуливает по городу. Таким место в сумасшедшем доме, а не среди нормальных людей.

– Иди домой, понял? Отстань от меня. Не смей приближаться! – Она поворачивается к Мстителю и пугается сильнее, увидев белый грим на его лице, его вечно печальную маску. Она пятится назад, она не понимает и не может понять его. Этот город отравлен страхом, каждый его житель давно потерял веру в людей... Возможно, не зря...

– Не смей идти за мной, придурок! – она показывает ему средний палец, она давно усвоила, что лучшая защита – это нападение. Она делает еще один шаг...

Все как всегда. Короткое усилие, и все движения вокруг замедляются. Девушка поворачивается и видит занесенную биту, искажается гримасой лицо парня и вздувается вена у него на шее. Бита в движении – подставить руку. Вот так.

Как всегда в такие моменты, мое сознание будто отключилось, тело действовало само по себе, управляемое сигналами, не мыслями. Бита разлетелась на щепки, она больше никому не причинит вреда. Удар. Под моим кулаком сминаются кости грудной клетки худого парня, до моих ушей, будто откуда-то издалека, доносится их хруст. Тело отлетает далеко в сторону и, ударившись о стену здания, сползает на асфальт. Теперь парень больше похож на небрежно брошенную тряпичную куклу, чем на человека.

Краешек моего человеческого сознания улавливает, как в полных ярости глазах остальных головорезов на мгновение вспыхивает ужас. Бритоголовый громилка первым оправляется от потрясения. Он крепко сжимает в руке нож.

– Ах ты сука ряженая!

Перехватить. И рука уже сжимает занесенную для удара руку здоровяка. Пальцы сжимают его запястье. Сильнее, еще сильнее, сейчас снова затрещат кости... Еще небольшое усилие – и нож со звоном ударится об асфальт и отлетит в сторону. Лицо бритоголового так близко. Приоткрытый рот и широко раскрытые глаза придают его круглому лицу глуповатое выражение. Камера правого глаза считывает информацию, главный компьютер в голове проводит поиск на соответствие – миллионы видео с камер по всему городу промелькнули перед глазами. Ах, вот то, что нужно, этот парень нам уже знаком – короткое видео прокручивается в голове. Вот он наносит удары старику в коричневом пальто. Идет дождь, вокруг никого, и бритоголовый всаживает в оседающее тело нож еще и еще раз. Он вытаскивает из кармана коричневого пальто бумажник и быстро бежит, не глядя под ноги, наступая в лужи... Здоровяк уже убивал, и не раз.

Голос Ларри подводит итог, его слова звучат четко:

– Сканирование завершено. Объект определен. Эрик Митчел, тридцать два года. Неоднократно совершал убийства.

Кажется, уже пора привыкнуть, но на секунду сознание отделяется от беспристрастности компьютерной программы. Будто что-то лопнуло в мозгу, гнев мешает дышать.

– Ты не заслуживаешь жизни! Тебя остановит только смерть.

Нож не упадет на асфальт, нет. Тело снова обретает автономность. И рука, сжимающая руку бритоголового, теперь не дает ему разжать пальцы, обхватившие рукоятку ножа. Длинное лезвие, направляемое моей рукой, пронзает горло бритоголового, мягко входит глубже и, пробив затылочную кость, выходит наружу. Чувствуется что-то теплое и липкое на руке. Неважно. Лицо здоровяка навсегда замерло с приоткрытым ртом и глупо расширенными глазами.

Сознание, контролируемое компьютером, подсказывает повернуться. Моя выставленная вверх рука останавливает цепь за мгновение до того, как та обрушивается мне на голову. Длинноволосый не ждал такой быстроты реакции, выражение превосходства на его лице сменяется ужасом. Как просто вырвать цепь из его рук... Сильный взмах рукой, поворот всем корпусом, моя рука как будто удлинилась для этого удара. Брызги крови разлетаются в стороны, и тело длиноволосого, изрезанное на куски, оседает на асфальт. Только сейчас замечаю выдвинувшиеся из костяшек моей руки стальные лезвия. Мое тело быстрее меня. Лезвия быстро входят обратно в руку, будто их и не было. Доказательством служит разве что изрезанное тело у моих ног.

Цепь все еще в руке, ее конец все еще летит по заданной траектории. Кажется, что она движется очень медленно. Хотя, скорее всего, оставшиеся мерзавцы не могут даже различить ее движения. Удар. Этот парень даже не пытается бежать – оцепенел от страха. Теперь он вряд ли когда-нибудь сможет хотя бы ходить. Последний уцелевший из шайки сорвался с места и бежит. Бежит как дикий зверь, петляя и пригибаясь. Цепь летит ему вслед и обвивается вокруг ног, мне слышно, как крушатся и ломаются его кости. Он падает и тяжело скользит по грязному асфальту, как брошенный кусок мяса.

Кажется, что эта схватка длилась вечность, но я понимаю, что прошло от силы десять секунд. Рыжеволосая вжалась в стену спиной и дрожит. Ее рот открывается и закрывается беззвучно, по-рыбы. Ну что ж, не каждый день увидишь пять искалеченных окровавленных тел. Наверное, дуреха так и не поймет, что была на волосок от смерти и что я спас ее жизнь.

Зонд, оставленный мной в стене здания, снова собирается в капсулу и послушно ложится в мою вытянутую ладонь. Вкладываю его в клапан на бедре. Как странно, что когда-то я привыкал к этому костюму. Сейчас он моя вторая кожа.

Девушка наконец пришла в себя. Испуганно закричала и, подхватив сумочку, побежала, стуча своими каблукками, прочь от меня, от изувеченных тел, от этого ночного кошмара, который не раз еще разбудит ее среди ночи. В последний раз окидываю взглядом еле освещенную улицу. Обшарпанные стены домов, свалка под окнами дешевых квартир, узкая полоска темного неба между крышами. С плаката на кирпичной стене белозубо улыбается лицо кандидата в мэры: «Голосуйте за нового мэра города!» Эти плакаты расклеены повсюду, будто не очевиден этот нелепый контраст холеного лица, дорогого костюма и крупных часов на приветственно поднятой руке очередного лжеца с убожеством этих трупоб.

Пора уходить. Девчонка может со страху вызвать полицию. А на сегодня мне уже точно достаточно общения с незнакомцами.

Тело, как всегда, чуть опередило мое сознание. Я двигаюсь вверх по кирпичной стене, оставляя внизу изуродованные тела, мусор улицы и лживые плакаты. Шипы, выдвинувшиеся из подошв ботинок и толстой кожи перчаток, легко входят в кирпичную поверхность стены. В ушах шумит ветер, полоска неба, казавшаяся такой узкой с земли, становится все шире и шире. Стена обрывается, и я, с силой оттолкнувшись от ее края ногами, оказываюсь в темном, тяжелом, но напоенном свежестью небе. То ли падая, то ли паря, я чувствую подобие счастья. Я не знаю, могу ли я в самом деле испытывать счастье. Но это чувство полета будто бы освобождает меня, будто немного ослабляет сжимающую мое сердце металлическую клешню. Сейчас я могу быть собой. Я устал от испуганных криков, от искаженных ужасом лиц. Люди не принимают меня таким. Какую злость я вызвал в той девушке, просто заговорив с ней, просто пытаясь ей помочь... А тот толстяк за рулем такси, перед которым я оказался вчера, неосмот-

рительно выйдя из подворотни? Он был спокоен и доволен собой, ковырял в зубах зубочисткой, глядя в зеркало на лобовом стекле. И какое отвращение я прочитал на его лице, когда он заметил меня! Заметил мой плащ, мое разрисованное черным и белым лицо, непохожее на его – розовое, толстое, сытое. Он уже был готов достать свой припрятанный под сиденьем пистолет, купленный на случай ночной разборки или неожиданного нападения. Нападения! Я не совершал нападения. Я не угрожал. Я не сказал ни слова. Но люди этого города так запуганы, так пропитаны страхом и ненавистью друг к другу, что первое чувство, которое вызывает у них нечто непривычное, – это слепая ярость. Желание напасть, пока на тебя не напали. Это поведение больных диких зверей, загнанных в угол, а не разумных существ. Тогда я отступил в тень арки. Я исчез для него, стал коротким видением. Скорее всего, он со смехом потом рассказывал своим друзьям в грязном баре, что ему примерещилось чучело с белым лицом – чуть было не выстрелил в него, да оно вовремя пропало. И друзья будут покатываться со смеху вместе с ним, заливаясь виски и затягиваясь вонючими сигаретами. Тогда я исчез для него. Но я всегда буду там, я накрепко связан с этим городом.

Я отталкиваюсь ногами снова, и крыша высотного здания оказывается далеко внизу. Я лечу и падаю, отталкиваюсь снова, еще и еще, пока не оказываюсь далеко от центра города, на крыше, так высоко, что огни мегаполиса перестают затмевать небесные огни. Так, издали, он виден как на ладони. Он кажется игрушечным со всеми этими огоньками и башнями, он кажется безобидным. Кажется... Я вдыхаю ночной воздух, и железная хватка, сжимающая мое сердце, снова слабеет на мгновение. Этот город уничтожает себя сам. Я знаю это. Я знаком с жестокостью, с ненавистью, с болью. Я знаю о смерти даже слишком много. Но я не могу уйти, не могу оставить этих несчастных, обозленных, измученных людей.

Как мало человеческого во мне осталось. Я испытал слишком много боли, слишком. Теперь мне не нужно многого. Я просто исполняю свое предназначение. Я не меняю мир. По левой щеке медленно сползает слеза и чернеет, смешиваясь с краской нарисованной капли.

Я всего лишь делаю мир чуть лучше, чем он есть.

Занимался рассвет. Волна света медленно, но неуклонно заполняла собой город. Дотронувшись до крыш небоскребов, спустилась ниже и отразилась во множестве окон, увеличив этим свою мощь. Скоро она дотянется и до самых темных, неприметных улочек, разольется по обшарпанным стенам, разбитому асфальту, сделает явной ущербность городских трущоб и на время отпугнет их ночных обитателей. А это значит, что пора возвращаться.

.....

Город еще только начал просыпаться: голоса торговцев уличных рынков, звуки шагов первых прохожих, сонных, но уже спешащих на работу. Из колонок круглосуточного супермаркета донесся нарочито бодрый голос диктора.

– Доброе утро всем, кто с нами в этот ранний час!

Все эти звуки доносились до сознания Мстителя, но, смешиваясь, превращались в неразборчивый шум. Ненавязчивый, немного угрюмый, но все же приятный и легкий шум утра. Он означает, что начался новый день, день обычной жизни, почти что беззаботной, почти что спокойной, почти что счастливой жизни.

Почти что... Он был погружен в себя и почти не обращал внимания на дорогу, тело привычно слилось с мотоциклом, и редкие автомобилисты даже не успевали заметить черную тень, проносящуюся мимо. Он может позволить себе эту скорость: если что, Ларри всегда позаботится об управлении, а значит, можно ненадолго забыть обо всем. Ведь когда-то не было Мстителя, не было искусственного зрения, металлической вставки в черепе, тончайшей ушной мембраны, фиксирующей каждый звук. Не было ночных прогулок по крышам. Не было ослепляющей ненависти и желания мстить. Не было этих беспомощных рыжеволосых девушек, запуганных, уставших, жалких. Не было жестоких полулюдей, с битами и цепями ожидающих за углом.

Не было?

Он прищурился и совсем четко, будто бы это и не воспоминание вовсе, увидел медный блеск в волосах девушки. Нет-нет, не девушки, девочки, сидящей у окна. Чуть подавшись вперед, она внимательно слушает учителя. Она не замечает, как серьезно сведены ее брови. Кажется, она всегда была такой. Мелани, девочка за соседней партой, все воспринимающая всерьез, девочка с рыжими волосами, до которых хочется дотронуться, да только страшно спугнуть этот играющий в них солнечный блик. Могла бы Мелани стать одной из тех запуганных и запутавшихся девушек из гулких ночных переулков? Трудно представить. Страшно представить.

А вот из тех ребят с задних парт вполне могли бы выйти ночные смельчаки с низко опущенными капюшонами, тяжелыми взглядами, желанием сбиваться в стаи. Разве так бывает? Ведь это дети. Но издевка в глазах мальчугана, оторвавшегося от разрисовывания парты, сверкнула совсем как во взгляде взрослого парня с ночной улицы, чувствующего свое превосходство, силу, безнаказанность. Это Стив Уоллкет. Да, так его звали. Столько времени прошло, а память почему-то продолжает хранить даже такие мелкие, казалось бы, ненужные детали. Детали совсем другой жизни – жизни не Мстителя, а паренька по имени Мартин, готового максималистски рассуждать на уроке истории о коллективном разуме, изредка бросая взгляд на рыжие волосы Мелани, не замечая насмешливых перемигиваний Стива и его дружков. Простое, смешное, глупое время. Невероятно счастливое время. Его никогда не вернуть, не вернуть того Мартина и его непоколебимую уверенность в том, что мир устроен сложно, но правильно, что разум царствует в нем, а насилие никогда не сможет одержать верх. Поэтому каждая деталь бережно хранится в памяти, каждая деталь драгоценна – это составляющие детского, обыденного и незаметного счастья, ценность которого в полной мере осознается только сейчас.

Звуки утреннего города совсем перестали тревожить его слух, он полностью погрузился в воспоминания: весенний день, школьный класс, залитый солнцем. Он говорит, не замечая, как пальцы нервно теребят карандаш.

.....

Мистер Уилсон, учитель истории, серьезно слушает, иногда слегка кивая. Мартину кажется, что этими кивками он отмечает главные моменты в чуть сбивчивой речи ученика, каждый кивок вызывает в нем толчок благодарности. Мистер Уилсон умеет слушать, поэтому Мартину кажется важным объяснить ему свою теорию о коллективном интеллекте как можно яснее, убедительнее и проще. Так, как это у него выходило в долгих разговорах с дедушкой.

– Мартин Стоун представил нам интересную концепцию, да, коллеги? – мистер Уилсон обводит взглядом класс. Он единственный из учителей называет школьников коллегами, и Мартину это нравится.

– Итак, Мартин считает, что наша земная цивилизация управляется коллективным человеческим разумом. Таких теорий существует довольно много. Попросим Мартина пояснить, на чем основано его личное заключение.

Мистер Уилсон говорит очень серьезно, а глаза его смеются. Он прекрасно понимает, что «коллегам» куда интереснее было бы сейчас выбежать на улицу, вдоволь пошуметь, потолкаться, засмеяться во весь голос, а не слушать подробности этого доклада. Но Мартин, машинальным движением поправив очки, с готовностью продолжает, он слишком увлечен, чтобы разглядеть ироничные искорки в глазах учителя. Кроме того, он чувствует щекой, что Мелани внимательно смотрит на него и ловит каждое слово. Почему-то Мартину ужасно неловко было бы повернуться и прямо взглянуть на ее сосредоточенное лицо, его щека начинает розоветь, поэтому он спешит быстрее перейти к своим доводам, вернуть свою уверенную сосредоточенность.

– Согласно данным археологических раскопок, наш вид человека разумного – крома-ньонец – появился на земле около сорока тысяч лет назад, на территории современной Франции. В это же время существовал и другой вид – неандертальский человек. Получается, что два вида людей существовали в одно и то же время. Никаких данных о том, что они соперничали и истребляли друг друга, нет. Неандертальский человек просто исчез. Я думаю, этот вид был переходной фазой к виду человека разумного, современного человека. И, выполнив свою функцию, он просто прекратил свое существование. . .

Пока Мартин говорит, задние ряды понемногу оживляются. Стив Уоллкет написал что-то на мятом тетрадном листе и показывает соседям по парте. Видимо, его острога касается Мартина, потому что парни, поочередно прочитав написанное, бросают взгляд на говорящего ученика и утыкаются лицом кто в парту, кто в тетрадь, кто в сложенные ладони. Поводов повеселиться море: Стоун очкарик, Стоун хилак, Стоун не бесится, как все, на переменах, а усаживается в углу с книгой и, идиотским движением поправив свои очки, отключается от окружающего мира. Уоллкет с парнями называют такие моменты «Стоун в отключке» и стараются досадить очкарику, бросив в него ластиком, прилепив к плечу липкую бумажку с обидной надписью, громко крикнув ему в самое ухо. Но этому отмороженному хоть бы хны: на секунду оторвется от чтения, рассеянно посмотрит поверх книги и снова уткнется в нее носом, будто такие мелочи его совершенно не тревожат. Это бесит больше всего. Стив знает толк в издевательствах, он уже не первый год остается в этом классе и, хоть и не силен в учебе, уж точно знает, как довести слабака до слез. А Стоун не поддается, как будто он выше Стива, как будто он, а не Стив, сильнее, как будто он знает что-то для Стива неизвестное, что делает очкарика неприкасаемым. От одной мысли об этом Стива начинает трясти, ему хочется вмазать по очкам этого всезнайки, толкнуть его на землю и прижать ногой, чтобы тот полежал в пыли и уяснил себе раз и навсегда, кто здесь главный. Да ведь били уже этого чокнутого, но ни разу не получилось довести его до слез или заставить просить о пощаде. Всегда он молчит, смотрит исподлобья. Даже в тот раз, когда Алекс не рассчитал удар и сильно разбил ему губу, толкнув к двери, Мартин только смерил того взглядом и вышел из класса, зажав рот рукавом. Алекс все боялся, что его вызовут к директору, и до вечера ныл об этом, а потом оказалось, что очкарик ни словом не обмолвился ни об Алексее, ни о Стиве, ни о других парнях. Это будто бы делало их обязанными ему, а значит, усиливало ненависть.

– Решил поиграть в рыцарей, придурок! – зло цедил сквозь зубы Стив. – Ненавижу таких, как ты, профессорский сынок.

Все в школе знали, что отец и дед Мартина – какие-то шишки в науке. Отец даже приходил как-то к ним в класс, рассказывал о своей профессии. Стив на пару минут заинтересовался его бреднями об искусственных органах, о человеке будущего и сложных хирургических операциях, меняющих жизни людей, но Стоун-старший говорил и говорил, не умолкая, а, наоборот, только распаляясь, совсем так же, как Мартин, поправляя свои очки. Стив давно перестал слушать его и старательно обводил контуры нового рисунка на своей парте: монстр с уродливо раскрытой пастью, не по-человечески, а как бы вертикально, когтистые лапы тянутся к убегающему человечку, а тот кричит в ужасе, ибо ему не уйти. Стив мирно обводил острые линии зубов, когда понял, что в классе подозрительно тихо, и, подняв глаза, увидел, что Стоун-старший, слегка оперевшись рукой о его парту, с улыбкой смотрит на незаконченный рисунок.

– Я рад, что среди вас есть уже определившиеся с выбором профессии. Вот, например, перед нами – свободный художник. Ну, не будем отвлекать вас своими научными разговорами, продолжайте, пожалуйста. – Он, как ни в чем не бывало, выпрямился и прошагал обратно к доске, а класс взорвался хохотом. Никто еще не разговаривал так со Стивом, и, кроме всего остального, он выглядел ужасно нелепо: застигнутый врасплох, с высунутым от старания кончиком языка. А как он покраснел, не найдя, что ответить на это вежливое замечание! Не засме-

яться было невозможно. А Стив не знал, куда провалиться от стыда, и пообещал себе отомстить Мартину за эту насмешку – не старший Стоун, так младший, разница невелика.

Сейчас Мартин пустился в объяснения своей дурацкой теории и, сверкая глазами, говорил:

– Коллективный разум есть у муравьев, пчел, термитов. Это очевидно, поскольку эти объекты малы. Коллективный разум у человечества невозможно выявить сразу, но...

Стив не выдержал и запустил ему в затылок крепко скрученный бумажный шарик. Шарик отскочил от тощей шеи Стоуна, а тот сбился и недовольно-вопросительно обернулся.

– Уоллкет, что вы себе позволяете?! – Мистер Уилсон вопросительно приподнимает подбородок, брови его тоже слегка поднимаются, выражение лица становится презрительным. Он переводит взгляд на Стоуна и кивает, чтобы тот продолжал.

– Да врет он все, сам выдумал и лепит, что в голову взбредет, а вы слушаете, раскрыв рот! – Стив сам не ожидал от себя такого красноречия, но сейчас ему удалось привлечь потерянное внимание ребят из класса, и он был собой доволен.

– Он не врет и знает, что говорит! Он умный, в отличие от тебя! – Это Мелани выкрикнула с места и, кажется, сама немного испугалась своей горячности, но продолжила смотреть гордо и прямо, только закусил губу от волнения.

Стив только рад лишней раз уколоть Мартина:

– Нашел себе защитника, Стоун, ничего не скажешь. Попридержи свою невесту, а то она, кажется, броситься может. Рыжая, ты на людей не кидаешься? А то взгляд как у дикой зверюги.

На светлой коже Мелани быстро выступает пунцовый румянец. Никуда от него не денешься, не спрячешь. Мартин, наоборот, бледнеет, сжимает кулаки.

– Стивен, немедленно прекратите свои излияния. Они никого не интересуют. На вашем месте я попытался бы сосредоточиться и слушал бы Мартина не отрываясь. Вы прекрасно знаете, что вам грозит еще один год за этой самой партией, если вы продолжите в том же духе.

Оживившийся было класс тут же затих. Мартин выдохнул и продолжил говорить как можно невозмутимее. Только все не мог разжать кулаки. Уоллкет тем временем уже незаметно делал своим друзьям знаки: сейчас он точно знал, чем займется после уроков. Показав глазами на Мартина, он подносит кулак к своей широкой скуле. Его жест ловит Алекс, худощавый парень с желтоватыми зубами и вечно сальными волосами. Он неприятно улыбается.

– Потолкаемся, – еле слышно, одними губами говорит Стив, многозначительно поднимая брови.

Перегнувшись вперед, Алекс тыкает ручкой в спину круглоголового крепыща Джонни. Этот недалекий мальчуган – вторая часть вечной свиты Уоллкета.

– После уроков проведем беседу со Стоуном, – многозначительно шепчет Алекс.

– Чего? – Джонни мучительно морщит лоб. До него редко доходят эвфемизмы.

– Со Стоуном. По-бе-се-ду-ем. – Каждый слог Алекс легонько отбивает кулаком по парте. До Джонни, наконец, дошло, и он расплывается в улыбке, как будто ему пообещали бесплатную пищу.

– По-бе-се-ду-ем, – довольно растягивает он слоги.

– Тебе конец, урод, – шипит Стивен в сторону Мартина. Тот, будто не замечая, заканчивает свой доклад и спокойно оглядывает класс, ожидая вопросов. Мистер Уилсон дружески кладет ему руку на плечо:

– Ну что же, Мартин, твоя теория имеет право на жизнь, в ней есть своя логика. Садись, за твою работу я поставил тебе «отлично».

Мартин спокойно садится за свою парту и, будто ни к кому не обращаясь, проговаривает:

– Странно, что один неандерталец все еще живет в наше время.

На лице мистера Уилсона на секунду появляется улыбка, но он тут же стирает ее, чего не скажешь о детях: те не скрывают своих смешков и открыто смотрят на краснеющего от злости Стива.

– Посмотрим, кто из нас неандералец! – шипит он, но тут же краснеет еще сильнее, поняв, что неправильно выговорил заузное обзывательство. Ничего, сегодня хилак ответит за каждый смешок в сторону Стива, за все ответит.

...Мартин понимал, что сегодня ему не уйти от драки. Он уже привык к стычкам с Уоллкетом и его дружками и воспринимал их как неприятное, но неизбежное событие. Наверное, так некоторые смотрят на дождь, от которого никуда не деться, нужно просто перетерпеть его и продолжать путь, ну, или уж вовсе не выходить из дому. Правда, каждый раз, когда драка все-таки начиналась, ему еще ни разу не удавалось сдержать свой гнев. Он выходил из себя и, сжав кулаки до белизны в костяшках, пытался ударить обидчика в ответ. Обычно его попытки прекращались где-то через минуту, и он оказывался на полу, или утирал разбитый нос, или поправлял разорванный ворот рубашки, или ловил ртом воздух, согнутый в три погибели, с головой, зажатой под локтем одного из здоровяков. У него были свои правила на этот счет: нельзя кричать, нельзя бежать и, конечно же, нельзя плакать. Эти низколобые оболдуи только и ждут, что ты начнешь просить их о пощаде, а давать им то, чего они ждут, Мартин ни в коем случае не собирался. Поэтому он изо всех сил отбивался, а потом терпел. Он знал, что это выводит обидчиков из себя, и внутренне торжествовал этой полупобедой.

Сегодня ему не уйти от драки, но привычного сосущего ощущения в животе как не бывало. Мелани шла рядом и, чуть наклонив набок голову, слушала его. Ее рыжие волосы были собраны в хвост, и только одна непослушная прядка то и дело выбивалась и падала на щеку. Мелани торопливо убирала ее за ухо, но прядь выбивалась снова. А Мартин, автоматически продолжая говорить что-то о человеке каменного века и его эволюции, следил за этой борьбой и забывал бояться.

– Вообще, я считаю, что все человеческие расы возникли одновременно. А вот сейчас физическая эволюция человека закончилась и началась эволюция человеческого сознания. Понимаешь, о чем я? Некая разумная сила управляет развитием мира. Для нашего разума она пока непостижима.

Мелани чуть замедлила шаг и ответила с небольшой запинкой. Она не боялась показаться глупой, но все же взвешивала каждое слово.

– Но разве людей создал не Бог? – Она пристально посмотрела на Мартина, чуть сощурилась, будто проверяя, насколько может ему доверять.

– Бог, если хочешь. Мы можем называть творца мира, а возможно, коллектив творцов, Богом. Так проще, верно?

Мелани не успела ответить, дорогу им преградил Стив Уоллкет с его вечными телохранителями. Она не успела еще понять, что происходит, и в ее голове пронеслось: «Какой же он жалкий, этот Уоллкет». Большеголовый, толстоватый здоровяк Стив смотрел исподлобья. Он спрятал кулаки в карманы его растянутых тренировочных штанов и слегка покачивался: с носка на пятку, с пятки на носок, будто вышел навстречу Мелани и Мартину во время легкой спортивной разминки. Тяжелые челюсти снова и снова перемальвали жевательную резинку. Алекс и Джонни встали чуть позади него и тоже спрятали руки в карманы. Мелани знала, что отец Уоллкета часто наказывает сына, что с каждым годом успеваемость и оценки за поведение Стива отнюдь не становятся лучше, несмотря на отцовскую науку, а взгляд становится все более мутным, более неживым. Да ему просто нужно срывать на ком-то свою злобу, ему просто нужно нравиться хоть кому-то, поэтому он и таскает с собой этих двух клоунов, поэтому он и задирает Марти. Принципиального, честного Марти, которого невозможно заставить пойти на компромисс...

Эта мысль пронеслась в голове Мелани и тут же сменилась резкой неприязнью: Уоллкет самодовольно ухмыльнулся и сплюнул жвачку им под ноги. Алекс сделал шаг вперед, поравнявшись со своим предводителем, а Джонни будто невзначай легонько отбивал размеренный ритм, опуская в ладонь сжатый кулак. Мелани на секунду представила, как этот кулак ударяет по острой скуле Марти, и ее передернуло. Она краем глаза взглянула на Мартина. Тот стоял спокойно, только чуть напряглись его плечи и взгляд стал ужасно холодным.

– Ну что, попугай-неразлучники, прогуливаемся? Щебечем о высоком? – Стив выдержал паузу и с издевкой перевел взгляд с Мелани на Мартина. – А мы тут по-простому. У нас разговор короткий. – Он сделал небольшой шаг к ребятам и оказался совсем близко, угрожающе нависнув над ними и загородив небо.

– Мы сейчас с тобой по-своему говорить будем, да, Алекс? – Стив смотрел Мартину прямо в глаза и не обернулся, когда Алекс услужливо поддакнул ему.

– Мы тебя так отделаем, что резко все поймешь, – решил тоже внести свою лепту в угрожающий монолог Джонни. И решив, что разговоров было уже достаточно, резко толкнул Мартина в грудь.

Мелани попыталась толкнуть Джонни в ответ, но в следующую секунду уже была откинута в сторону, как надоедливая мошка.

– Прекратите сейчас же! Вы не имеете права трогать его! Я сейчас позову учителя, и вам здорово достанется! Понятно?! – Она прокричала это зло, даже не пытаясь подняться с газона, ощущая полную беспомощность перед этими глупыми, но сильными парнями.

– Не унижайся, Мел, – проговорил Мартин сквозь зубы. – Это только внешне они похожи на современных людей, а в развитии они еще в первобытной эпохе.

– Это кто здесь первобытный? Мы? – Стив будто бы даже обрадовался этому оскорблению. – А может быть, ты?! – Он резко ударил Мартина в лицо. Тот отшатнулся и тут же прижал руку к носу. Сквозь пальцы медленно закапала кровь. Он попытался занести руку для ответного удара, но Алекс и Джонни уже крепко схватили его за локти.

– Ну, кто? Кто! Здесь! Первобытный! – На каждое слово Стива приходилось по новому удару. В живот, по ребрам, в живот.

– Вы! Вы звери! Вы просто тупые, голодные, загнанные звери! Дикие и жалкие! – Мелани кричала, не замечая, как по щекам текут злые слезы. – Отпустите его, слышите?! Отпустите немедленно! – Она снова попыталась оттолкнуть обидчиков, но ее опять отшвырнули в сторону.

Алекс и Джонни выпустили руки Мартина, и он неловко повалился на землю. С него слетели очки, и он, беззащитно шурясь, шарил руками по асфальту, пытаясь найти их. Парни посмеивались, не трогая его. Наконец, устав от этого представления, Джон с силой пнул Мартина ногой. Тот снова потерял равновесие и повалился набок. Парни накинулись на него с новой силой, нанося удары ногами. Их прервал громкий окрик. Из-за угла школьного здания показался Том Сандерс, преподаватель по физкультуре. Он вглядывался в фигуры дерущихся, еще точно не понимая, что происходит.

– Сандерс! Валим! – выкрикнул Алекс и первым рванул в ближайший переулок. За ним, тяжело топая, побежали Стив и Джонни.

– Мы еще не закончили, ты понял, умник? Мы еще выясним, кто из нас животное! – выкрикнул Стив, перед тем как скрыться в подворотне.

Когда мистер Сандерс подошел, Мартин уже успел подняться на ноги и рукавом рубашки вытирал кровь. Мелани, еще секунду назад плакавшая, уже достала из своего ранца платок и помогала другу остановить кровь.

Она осторожно приложила платок к опухшему носу Марти:

– Очень больно?

– Не очень, но все же неприятно. – Он поморщился от неловкого прикосновения. – Не страшно, пройдет.

Мистер Сандерс взял Мартина за плечи и осторожно развернул к себе.

– Ну-ка, что тут у нас? Так, нос тебе разбили здорово, но перелома нет. Руки-ноги целы? Согни-ка локоть. Так. Хорошо. – Он поворачивал Мартина из стороны в сторону, внимательно осматривая места, где уже начали проступать синяки.

– Кажется, ты невероятно везуч, дружище. Ничего серьезного – одни синяки и ссадины. А шрамы, как ты знаешь, украшают мужчину. – Он подмигнул Мелани.

Мартин только недовольно хмыкнул, потирая отбитую руку.

– Ну, и кто же над тобой так поработал, если не секрет? – Том Сандерс невозмутимо отряхивал колени.

– Бандерлоги, чье развитие прекратилось еще сорок тысяч лет назад! – Мартин снова почувствовал приступ злости, но постарался загасить его в себе. – Да какая разница?

– Большая. Имена-то у твоих бандерлогов есть?

Мартину показалось, что голос преподавателя прозвучал мягче.

– Стив, Алекс и Джонни Митчелл! Они втроем напали на Мартина! – Мелани выпалила это прежде, чем Мартин успел что-либо ответить. Она тяжело дышала от негодования.

– Трое на одного! Они держали его руки, а я ничего не могла сделать! – она оборвала себя, почувствовав вдруг, что говорит слишком громко, и потупила взгляд.

– Да, трое на одного – это не дело, – проговорил мистер Сандерс. – Чувствуешь-то ты себя как, а, Мартин?

– Больно, но это естественно. Тело человеческое несовершенно, а боль – это проявление инстинкта самосохранения организма. – Мартин уже снова был спокоен. Гроза прошла, и можно было продолжать путь.

– Да ты умник, – хмыкнул Сандерс.

– Дедушка говорит, что у меня просто такая форма мышления, – пожал плечами Мартин, будто виноватый. Сандерс усмехнулся.

– Ну что ж, драчуны будут наказаны, это я беру на себя. А тебе с твоей формой мышления я бы посоветовал походить ко мне на занятия по карате. Я как раз открываю секцию, ты смело можешь записываться.

– Вы учите насилию? – переспросил Мартин.

– Я учу защищаться. – В глазах Сандерса на секунду промелькнула серьезность, но тут же сменилась шутивным прищуром. – Тренирую этот твой, как ты его называешь... инстинкт самосохранения.

– Тогда я, наверное, приду! – Мартин с новым интересом взглянул на преподавателя.

– Ну что ж, буду ждать. К медсестре тебе можно не идти, а за сопровождение я спокоен, – он кивнул Мелани.

Сандерс поочередно подал ребятам руку. Крепко пожал ладонь Мартина и, будто с некоторой опаской, аккуратно, ладошку Мел. Он еще раз оглянулся на них, уходя, и улыбнулся чему-то.

Мелани рассеянно подняла с земли то, что недавно было очками Мартина. Дужки погнулись, а одно стеклышко разбилось. На щеке ее снова заблестела злая слеза.

– Ты даже не думай бояться их, слышишь, Мартин! Том Сандерс разберется с ними, ты же сам видел, ему можно доверять! – Она зло стряхнула слезу со щеки.

– Я и не боюсь! – ответил Мартин. – Я не боюсь, Мел, – повторил он уже тише.

Она еще раз судорожно вздохнула и уже совсем спокойно взяла его за руку.

– Ну что, пойдём? Я помогу тебе донести рюкзак.

Мартин чуть смущенно передал ей одну ляжку своего ранца.

– Спасибо, а то у меня что-то сильно болит рука. Ох, хотел бы я иметь более совершенную форму! Человек так слаб. Прошло уже сорок тысяч лет, мы сделали огромный шаг в развитии интеллекта, но физический облик человека остался прежним. Как бы я хотел усовершенствовать человеческий организм! – Глаза Мартина мечтательно заблестели, он даже на время забыл о боли в руке.

– Но как, Марти? – Мелани уже сделалось интересно и весело, она шла чуть вприпрыжку, заглядывая увлеченному Мартину в лицо.

– Я давно думаю над этим. Мой дедушка считает, что будущее принадлежит человеку, который не будет зависеть от внешних условий. Человеку, который сможет подчинить их себе.

– Ты хочешь сказать, что человек станет роботом? – в голосе Мелани прозвучала тревога.

– Ну что ты, нет. – Мартин улыбнулся чему-то в своих мыслях. – Он не станет роботом, но он будет совершенным. Его будут называть технотроником!

Они шли, держась за руки, болтая и смеясь. Они рисовали себе в воображении совершенное будущее, в котором человек не только умен, но и силен, вынослив и вечно здоров. Они в красках расписывали друг другу, как будет выглядеть человек будущего, будто бы им уже завтра предстояло представить друзьям настоящего технотроника.

– Он будет двигаться нелепо, как робот? – смеялась Мелани.

– Ну что ты, Мел! Он будет пластичен и ловок! О, да ты представить не можешь, как технотроник будет бегать, прыгать... А как он будет танцевать! – Мартин совсем забыл про свои ушибы и изобразил какое-то невероятное по своей нелепости танцевальное па, правда, тут же схватился за больную руку. Мелани на секунду испугалась, но, вспомнив движение Марти, прыснула со смеху. Мартин захохотал во весь голос.

.....

... Тем временем в большом зале городской публичной библиотеки отец Мартина абсолютно серьезно демонстрировал первые шаги к созданию технотроника. Талантливый микрохирург, он был лучшим из учеников своего отца, знаменитого профессора Стоуна. Совсем недавно ему удалось совместить кибернетические разработки отца и свой огромный опыт, чтобы провести операцию по имплантации искусственной руки. Его с детства поражало совершенство человеческого организма, то, как идеально продумана кожа, обтягивающая костную конструкцию, капилляры, артерии и вены, переплетение мышц, работа сердца – все гармонично и взаимосвязано. Он мечтал воссоздать человеческий организм силами науки, воссоздать этот идеальный механизм, заменив в нем лишь некоторые материалы, некоторые связи, тем самым сделав его еще совершеннее – прочнее, долговечнее, сильнее. И наконец он приблизился к своей мечте. Министерство обороны США предложило провести эту рискованную операцию, обеспечило финансирование, предоставило пациента.

Крис Стоун сразу же вспомнил бледное лицо молодого капитана ВВС, Эдварда Смита, потерявшего руку во время задания. Вспомнил, как тот с опаской смотрел на сложные чертежи, которые Крис считал нужным ему показать. Как он спокойно кивнул Крису перед операцией, будто совсем не боялся, как там все пройдет, и как при этом немного дергалась его правая бровь – единственный признак его страха. Ведь Крис заранее предупредил, что процесс заживления может быть невероятно сложным: адаптация, долгие тренировки, привыкание к новым ощущениям, возможно, дикие боли. Что говорить, он боялся и сам. Но когда оказался перед операционным столом, все лишние мысли исчезли. Он видел перед собой задачу, сложную, необыкновенно интересную задачу, которую он мог решить. Крис не заметил тогда, как прошли пять часов операции – не так уж много, в сущности. Но они пронеслись как единое мгновение, которое можно было растянуть в памяти и рассмотреть каждое действие, каждый жест Криса в отдельности, – ни единой ошибки. Вживляя совершенные детали новой руки в плоть Эдварда, он сам хотел ощутить себя непогрешимым механизмом, и похоже, что ему это удалось.

Сейчас, на этой пышной презентации, он чувствовал себя немного неловко. Министерство обороны поспешило поднять свой рейтинг: в самые короткие сроки была создана пиар-кампания, журналисты со всего мира съехались брать интервью у Криса и Эдди, ошеломленных своей победой. Медицинские, научные, технические журналы пестрели заголовками: «Искусственная рука, приживленная Эдварду Смиту, превосходит по качественным показателям человеческий организм», «Шаг в будущее», «Сенсация в мире науки». Его лицо и лицо совершенно измученного всеми этими разговорами, вспышками, и суматохой Эдди в какой-то момент мелькнули на экране маленького телевизора в углу палаты во время вечерних новостей.

С одной стороны, Крис был рад возможностям, открывающимся перед ним благодаря этой шумихе, а с другой – хотел поскорее выбраться из своего строгого костюма, закинуть в угол галстук, провести время только с семьей. Да и разве это его, Криса, заслуга? Разработки отца – без них не вышло бы ровным счетом ничего.

На огромном экране за спиной Криса началась видеопрезентация. После нее он должен будет произнести торжественную речь – все как хотели организаторы. Скорее бы уже... Он повернулся к экрану. Вот его лицо в медицинской маске, он склонился над операционным столом. Вот Эдди Смит впервые пошевелил пальцами своей новой руки, на его осунувшемся лице удивление, потрясение, радость, усталость и удовлетворенность – все одновременно. Вот кадры, на которых Эдди научился держать ложку, научился писать свое имя. А вот самый, кажется, ценный из кадров: Эдвард проводит рукой по голове своей маленькой дочки – микродатчики на искусственной ладони передают сигналы в мозг, создавая осязательный эффект. Это заметно по тому, как вздрогнули брови Эдди, как он на мгновение замер, потрясенный этим ощущением, а в следующую секунду рассмеялся счастливо, забыв о камерах, о врачах, обо всем на свете, и подхватил свою маленькую дочку, закружил, подняв на вытянутых руках.

Крис решительно постучал пальцем в микрофон, проверяя, включен ли он, и, выдохнув, обвел глазами зал.

– Уважаемые гости, коллеги! Вы сейчас наблюдали за сложной операцией, которую я провел на основании разработок моего отца, профессора кибернетики Энди Стоуна. Я рад вам сообщить, что сегодня мой отец здесь! Он приехал по моему приглашению!

Имя Энди Стоуна, значимое в научных кругах, было встречено аплодисментами.

– Дело в том, что мой отец много лет работал в исследовательской лаборатории Министерства обороны, и вот сейчас в нашей клинике появляется возможность проводить подобные операции. Это стоило нам больших сил и определенных финансовых затрат, но я верю, что все наши усилия не будут напрасными!

Крис вглядывался в лица людей. В первых рядах перед сценой он видит голубые глаза, поблескивающие из-за стекол очков, аккуратную седую бородку, чуть ссутуленную фигуру отца.

– Папа, пожалуйста, поднимись на трибуну!

Отец смущенно качает головой. Но через пару секунд все же соглашается подняться к Крису. Он кивает собравшимся в зале и на секунду задумывается, а затем как ни в чем не бывало говорит, наклонившись к микрофону:

– Ну что ж... Здравствуйте, уважаемые коллеги и гости. Что я могу сказать? За десять лет работы в своей лаборатории я провел много аналогичных операций, и достаточно успешно. Новые открытия в области кибернетики дают нам возможность использовать их и в практической медицине. Уверен, что скоро такие операции станут обычными и доступными для простых людей.

Он с гордостью кладет руку на плечо Криса.

– И, конечно же, я очень надеюсь, что мой сын продолжит мое дело!

Слова профессора вызывают новые аплодисменты. Когда же шум стихает, он снова поворачивается к микрофону:

– Стремительное развитие нанотехнологий и робототехники приводит меня к мысли, что в недалеком будущем облик современного человека может качественно измениться. Мы с вами, друзья, счастливые свидетели того, как человек подходит к новой ступени своего развития. Совсем скоро человека разумного сменит человек технологический.

В зале происходит легкое оживление, к трибуне продвигается мужчина.

Журналист говорит совершенно спокойно, в руке его подрагивает красный огонек диктофона.

– Правда ли то, что лабораторию, которую вы возглавляли, закрыли? Многие ученые считают, что ваши разработки не имеют будущего и деньги налогоплательщиков расходуются на сомнительные проекты.

Отец не показал волнения, но Крис почувствовал, как тот напрягся. Голос профессора ничуть не изменился, он говорил так же мягко, деликатно и при этом отчетливо:

– Руководство Министерства обороны действительно прекратило финансирование моей программы по созданию человека будущего. Однако я верю, что невозможно воспрепятствовать стремлению человека стать совершенным, стать бессмертным и победить все болезни. Это заложено в основе эволюционного развития цивилизации.

Журналист чуть приподнял брови:

– Вы хотите превзойти Бога?

– Только Бог и дает мне надежду, что я иду по правильному пути. Мир с каждым днем становится все более сложным и опасным. Тело человека беззащитно перед катастрофами будущего. Его душа наполнена страхом. Только новый человек, человек технократической эры, будет способен решать самые сложные и великие задачи. Этого от нас ждет Создатель. Именно поэтому он заложил в нас ген творца. Но нам необходимо помнить, что все наши помыслы должны быть чисты и благородны. – Профессор не повышал голоса, но отчего-то слова его звучали особенно четко, будто бы в каждое слово он вкладывал особую силу.

Позже, когда все слова были произнесены, официальная часть презентации окончена, а гости расслабленно беседовали, попивая шампанское, будто забыв о научном свершении века, Крис пробирался через нарядный зал, лавируя между официантами и группами гостей, пытаясь найти глазами жену. Внезапно на его плечо легко опустилась чья-то рука.

Он вздрогнул от неожиданности и обернулся, внутренне готовясь отвечать на очередной каверзный вопрос пронырливого журналиста, но тут же облегченно выдохнул:

– Сэм, Эшли, как я рад вас видеть! Как ваши дела? Как малышка?

Крису нравилась эта семья. Сэм Риверс – начальник местной полиции. Собранный, требовательный к себе и окружающим, немного скованный на публике, он менялся до неузнаваемости, когда оказывался в небольшом семейном кругу. Да и сейчас его глаза засветились нежностью, стоило только Крису заговорить о его дочке.

Где-то полгода назад Крису разбудил ночной звонок. Мужской голос из трубки доносился глухо, как-то сдавленно:

– Вас беспокоит начальник полиции Сэм Риверс. Прошу извинить за поздний звонок, но это действительно важно.

Крис судорожно начал прокручивать в голове штрафы за парковку, оглянулся на мирно спящую жену, в голову уже полезли страшные мысли о сыне.

– Говорите быстрее, что-то с Мартином?

– Нет, нет, успокойтесь. Простите. Я звоню по личному вопросу. Моя дочь... Мы... – Он на секунду умолк и заговорил снова, еще более глухо: – Мы с женой попали в автомобильную аварию. Никто из нас не пострадал, но на заднем сиденье спала дочка. Осколки стекла... Знаете, осколки вышибло при ударе... И ее лицо... Ей так больно, доктор Стоун. И нам сказали, что увечья останутся на всю жизнь. Ей всего шесть. Я звоню вам из клиники. Нам сказали,

что действовать нужно срочно. Я знаю, что вы лучший хирург в этом городе... Да что там в городе... Доктор Стоун, вы меня слышите?

Сэм Риверс умолк.

– Я выезжаю, – быстро сказал Крис и повесил трубку.

Тогда он спешно осмотрел девочку. Действительно, нужно было начинать операцию как можно скорее. Тогда он сделал что смог. А затем еще несколько раз приходил к ним домой делать перевязки, смотреть, хорошо ли заживают недавние раны, и привязался к этой семье.

Сейчас на их лицах не было и следа тревоги.

– Малышка замечательно! Крис, вы знаете, как мы благодарны вам. Вы вернули нашу девочку к жизни. Наверное, это Бог послал вас нам. – Эшли говорила чуть смущенно, не глядя на него. Только договорив, взглянула ему в глаза и улыбнулась счастливо.

– Вы знаете, доктор, что можете ждать от нас любой помощи. Любой. И в любое время. – Сэм взвешивал каждое слово, а договорив, крепко пожал руку Криса.

– Я знаю, Сэм, я вижу. Хотя, надеюсь, помощь начальника полиции мне не понадобится, – рассмеялся Крис. – Ну, всего доброго! Нужно разыскать жену и смыться отсюда. Знаете, у нашего сына сегодня день рождения, – добавил он доверительно.

Он уже было отчаялся успеть на праздник сына. Крис остановился у колонны с бокалом шампанского, ловко подцепленным с подноса проходящего официанта, когда знакомые руки закрыли его глаза.

– Я повсюду тебя ищу! Ух, каждый раз забываю, какая ты у меня красавица.

Элен в ее черном вечернем платье и убранными назад волосами и вправду была прекрасна, особенно хороши были глаза – смеющиеся, огромные, искрящиеся голубым и зеленым. Точно такие же у Мартина, только они часто будто немного затуманены – этот мальчик вечно где-то витает.

Элен рассмеялась.

– Вспоминай об этом почаще, дорогой. Ну как, все ведь прошло отлично, да?

– Да, это просто поразительно, как может быть счастлив всего один человек. Для работы открываются новые перспективы, и инвесторы заинтересовались нашим проектом. У меня полные карманы визиток, я не шучу! А главное, я ужасно люблю тебя, и сейчас мы с тобой отсюда сбежим – разве не замечательно?

– Ты прав. И ты даже не представляешь, как я люблю, когда у тебя вот так горят глаза. А не забыл ли ты, счастливый человек, что у твоего сына сегодня день рождения?

– Нет, не забыл, а иначе зачем бы нам было так рано покидать этот праздник жизни? – Он отпил шампанского. – Сейчас только предупреджу отца, что мы уходим. Ты-то не забыла, что нам еще заезжать за четвероногим подарком?

– Не забыла! Иди к отцу. Мартин весь в него, тоже вечно витает в облаках.

– Такой же мечтатель! – с улыбкой пожал плечами Крис.

Оглядываясь в поисках отца, Крис наткнулся взглядом на группу людей. Хорошие костюмы, дорогие часы, широкие улыбки, пустые глаза. Это мэр города Эрик Хайден с помощником Алексом Норманом и приспешниками. Этого типа со шрамом на пол-лица Крис видел впервые, но и он не внушал доверия. Заметив взгляд Криса, Хайден и Норман приветственно подняли бокалы, но улыбки на их лицах были скорее издевательские, чем добродушные.

– Кто это? – Элен хмурит лоб. – Они так пристально смотрят на нас.

– Это мэр и его свора. Не обращай внимания. – Хорошее настроение Криса тут же улетучилось, но он старался не подавать виду.

– Что-то случилось, Крис?

– Абсолютно ничего страшного. Просто я отказался делать вложение в их фонд развития города, на что имею полное право. Только и всего.

– Но почему? Ведь ты всегда говорил о том, как важно помогать городским властям в их начинаниях...

Как не хотелось Крису сейчас начинать этот разговор, как хотелось забыть обо всех мерзостях, которые каким-то образом постоянно просачиваются в оберегаемую им счастливую семейную жизнь...

– Мне попались в руки финансовые отчеты фонда. Это лишь прикрытие: все средства потрачены на избирательную кампанию мэра.

Элен поежилась, будто от холода, провела рукой по руке мужа.

– Ты не сможешь изменить этот мир, Крис. Просто не думай об этом.

– Я не хочу изменить мир. Я пытаюсь сделать его немного лучше, чем он есть.

– Зачем же ты их пригласил?

– Их не приглашают, Элен. Они приходят сами, по праву сильного! – Он уже начал закипать.

– Тише, тише. Не заводись. Тебе надо посоветоваться с отцом.

– Отцу не стоит об этом говорить. Я сам со всем справлюсь. – Он ласково посмотрел на жену. – Подождешь меня в машине, хорошо?

Крис нашел отца стоящим у окна, задумчиво глядящим в потемневшее небо. Как он умеет это – всегда оказаться в одиночестве, наедине с собой, даже находясь в толпе людей? Крис всегда немного завидовал этой способности отца мыслить отрешенно, подняться над проблемой и, увидев ее иначе, быстро найти неожиданное, гениальное в своей простоте решение. Крис раньше жалел, что не унаследовал от отца этот способ мышления, но, найдя себя в микрохирургии, успокоился. Кропотливая, сложная, интересная работа, каждую секунду требующая концентрации, решительности, умения применить все свои знания прямо сейчас. Созерцательная отрешенность виделась ему в характере сына. Не зря они так близки с дедом, не зря проводят вместе часы, разговаривая обо всем на свете.

Крис глубоко вдохнул и расправил плечи. Нельзя, чтобы отец увидел, что он встревожен.

– Как у тебя настроение, папа?

Профессор обернулся, будто застигнутый врасплох, но тут же его лицо осветилось улыбкой. От светлых глаз к вискам разбежались глубокие морщины.

– Все хорошо, сын. Ты знаешь, я ужасно горд. Горд тобой, Крис.

– Если бы не ты... – Крис был тронут. Его отец, единственный, чье мнение волновало его по-настоящему, единственный, на кого он хотел бы равняться в своей работе, кого он уважал, говорит, что гордится им.

– Но ведь ты мой сын! – Профессор положил руки на плечи Крису, чуть отстранив его от себя, чтобы получше рассмотреть. – Мой сын, мой такой взрослый сын... Жаль, мама сейчас не видит, каким ты стал, она была бы так счастлива.

– Я очень скучаю по ней, папа. Очень.

– Ну что ж, я думаю, она наблюдает за нами с небес и сейчас радуется вместе с нами.

Когда отец говорит о маме, у Крису в горле появляется ком, а в носу начинает щипать, как в детстве. Не хватало еще пустить слезу среди всех этих людей, на глазах мэра и его шайки.

– Папа, ты не забыл, что у твоего внука сегодня день рождения? – Крис спросил это нарочито бодро, чтобы отвлечь отца и самому отвлечься от шемящей сердце нежности, которая появляется, стоит только вспомнить маму. Ее улыбка, смех и теплые руки... Как же ее не хватает... Даже сейчас, спустя столько лет.

– Конечно, не забыл, просто не знаю, как быстрее сбежать отсюда! – отец тут же перенял бодрый тон Крису. – Мне еще нужно заехать за подарком для нашего именинника.

– Мы с Элен тоже уйдем пораньше. Нам нужно заехать к знакомым: мы обещали подарить Мартину маленького щенка. Давай я отправлю за тобой водителя, ты успеешь на праздник, просто будешь чуть позже?

Профессор согласно кивнул:

– Хорошо, сын, я как раз успею пройтись по клинике. Вчера привезли аппаратуру из моей лаборатории.

Крис нахмурился. Он знал, как тяжело отцу далась потеря нового проекта. Кажется, он стал совсем седым именно тогда, когда по каким-то причинам ему пришлось отказаться от сотрудничества с Министерством обороны. Они никогда не обсуждали подробности. Отцу не позволял говорить подписанный им контракт, да он, кажется, и сам был рад поскорее уйти от этой тяжелой для него темы.

– Отец, мне жаль. Мне правда очень жаль, что они закрыли твою программу.

– Мою программу никто не закрывал, я сам отказался... – Отец говорил спокойно, даже немного задумчиво. – Некоторые условия военных не позволили мне продолжить работу... Ведь человек никогда не должен поступаться своими принципами, верно, сын? Даже если на кону самая интересная на свете работа, самые важные исследования. Я прав, Крис? – Он с улыбкой посмотрел на сына.

– Конечно. А уж если ты отказался от любимого дела, для этого наверняка были очень веские причины.

– Я уже стар, Крис, и не мне обманывать себя...

– Тогда я поддерживаю твое решение... Как и всегда, папа.

Профессор благодарно потрепал сына по плечу, и Крис на мгновение ощутил себя совсем маленьким мальчиком, одновременно с этим почувствовав ответственность за отца, за своего старого, ранимого, доброго отца.

– Крис, я думаю, если у человека есть идеи и знания, то ему никто не помешает в осуществлении своей мечты. Помогать простым людям и лечить их – это достойная работа! Многим и многим больным мы можем дать второй шанс в этой жизни.

– Я хочу верить в это... – Крис вспомнил светящиеся счастьем лица Эшли и Сэма Риверс. – Я верю.

Отец улыбнулся и слегка встряхнул седой головой, будто сбрасывая налет серьезности и грусти.

– Все получится, сын, но ты беги, беги, надо обязательно подарить Мартину щенка! Я знаю, он очень этого ждет. Скоро увидимся!

Крис напоследок взглянул в светлые голубые глаза отца и поспешил к выходу. Элен, наверное, уже заждалась его. Он не замечал, что его провожают пристальные и недобрые взгляды.

Мэр Хайден уже давно наблюдал за Крисом Стоуном. Может быть, он и вправду неплохой врач, но только с этим далеко он не пойдет. Сейчас, когда только о нем и жужжит весь город, да что там – весь научный мир перевернулся от этого его нового протеза! Сейчас ему нужно брать быка за рога. Подкинуть немного денег туда и сюда, познакомиться с нужными людьми и, конечно, не ссориться с ним, с Эриком Хайденом, тогда деньги бесперебойным потоком потекут в его руки. А этот кретин сюсюкается с женой и папочкой и отказывается от самого выгодного для него сотрудничества.

Хайден на дух не переносил таких людей. Они не мечтатели, не романтики, не гении. Они глупцы. Глупцы, возмнившие о себе, что они лучше, честнее, выше таких, как Хайден. А разве может быть что-то честнее, чем признаться себе, что ты мерзавец как минимум потому, что все люди – мерзавцы? Всегда быть только за себя и, если потребуется, растерзать любого, кто встанет на пути, захочет забрать себе твой кусок мяса. Разве не это заложено в людей природой? Эрик Хайден честнее самого возвышенного Криса Стоуна, потому что может найти в себе силы, глядя в зеркало, видеть в нем не воображаемые нимб и крылья, а реальность. Грубую, неприятную, грязную, но честную.

Хайден чуть повернул голову к своему помощнику Норману. А тот тут же подскочил поближе, услужливо подставив ухо.

– Что слышно?

– Стоун отказался платить. – Норман на мгновение поднимает глаза на своего хозяина, чтобы оценить, стоит ли продолжать. Но Хайден спокойно продолжает цедить виски, и Норман добавляет: – Думаю, его пример может стать заразительным для других...

– Этот доктор думает, что сможет спокойно работать в моем городе. – Хайден говорит очень спокойно, но Норману становится не по себе.

– Что будем делать?

Хайден делает еще один большой глоток. На его желтоватых зубах хрустнула льдинка.

– Пора с ним кончать.

Крис немного замешкался возле гардероба, он копался в карманах, пытаясь отыскать пару долларов, чтобы оставить на чай женщине, так любезно подавшей ему пальто. Ему всегда бывало неловко, когда официанткой, гардеробщицей или горничной оказывалась женщина в возрасте. Ему всегда бессознательно хотелось усадить такую даму на стул и сказать что-то вроде: «Отдохните, вы ведь в матери мне годитесь. Сейчас я сделаю все сам. Мне несложно, честное слово».

Крис так увлекся своими поисками, что не заметил, как к нему приблизился тот самый мужчина с длинным шрамом на щеке. Лейтенант Робертсон только недавно подключился к делам мэра, но уже подмял под себя всю верхушку этой компании и стал доверенным лицом Хайдена. Мэру нравился простой подход Робертсона: если проблема появлялась, ее нужно было решить, и способ не имел значения – чем проще, тем лучше. Смерть всегда казалась Робертсону одним из наиболее простых способов.

Крис рассеянно поднял голову и почти столкнулся с Робертсоном. Он еще машинально перебирал мелочь в карманах, но выражение его лица тут же изменилось, стало холодным, неприязненным.

– Большие люди просили передать, что за тобой должок, – проговорил Робертсон, приблизившись к уху Криса. Он улыбнулся, от чего шрам исказил лицо сильнее обычного.

– Передай своим хозяевам, что я никому ничего не должен, – спокойно, с нескрываемым презрением ответил Крис.

Робертсон улыбнулся еще шире, показав зубы.

– У тебя красивая жена, ты не боишься, что...

Криса захлестнула волна ярости, накрыла его с головой, в ушах зашумело. Этот подонок смеет говорить о его жене, смеет смотреть на нее?!

Робертсон не успел договорить. Крис резко ударил его кулаком в челюсть. Тот даже не шелохнулся – спокойно вытер кровь с разбитой губы и с интересом взглянул на испачканные пальцы. Только глаза его блеснули затаившейся злобой.

– Ты подписал себе смертный приговор, лекарь, – проговорил он тихо и сплюнул кровь под ноги Крису.

Крис обернулся. Гардеробщица испуганно смотрела на него из-за прилавка, не понимая, что произошло. Охранники у входа недоуменно переглядывались. Криса здесь знали и не могли ожидать от него даже грубого слова, не то что драки.

– Уберите этого человека. Он немного перебрал, – громко проговорил Крис, обращаясь к охранникам. – Прошу прощения. Это вам, – он протянул перепуганной гардеробщице пару мятых купюр.

Робертсон оттолкнул руки охранников:

– Не смей!

И спокойно вышел из здания.

.....

...Разве так бывает, что можно просто идти рядом с кем-то и молчать, не ощущая напряжения, скованности, необходимости поддержать разговор о погоде? И так же просто, оказывается, с этим человеком говорить. Говорить о чем угодно, не боясь показаться смешным, глупым или назойливым. Раньше Мартин подолгу разговаривал только с бабушкой. С папой и мамой он тоже разговаривал, но они часто оказывались заняты, им нужно было бежать на работу, кому-то звонить, куда-то ехать. А у бабушки почему-то всегда находилось время для разговора. Когда у Мартина возникал сложный вопрос и он задавал его деду, тот задумчиво хмурил брови, а затем говорил: «Сходим прогуляться?» Это означало, что они пойдут в кофейню за углом, где оба закажут какао, или пройдутся до моста и будут стоять в самой его середине, глядя на темную воду, или просто отправятся по незнакомым Мартину улицам и будут примечать необычные вывески, интересно одетых людей, красивые и странные дома. Во время таких прогулок бабушка обычно не только успевал ответить на «сложный вопрос» Марти, но и задать ему пару-тройку своих. И они вместе принимались за поиски ответов на них, споря или соглашаясь друг с другом. Такие прогулки выдавались нечасто, но всегда яркими вспышками отмечались в памяти Марти.

Сейчас, когда он, прихрамывая, шел домой рядом с Мелани, он ощущал что-то похожее. Конечно, эти разговоры были совсем иными. Если с бабушкой он чаще спрашивал, переспрашивал, начинал спорить и тут же заслушивался его ответом, то здесь скорее он, Мартин, становился на место отвечающего. Это было совсем не скучно. Мелани так серьезно слушала его, так неподдельно радовалась и удивлялась его рассказам о будущих сверхлюдях, о цикличности истории, о секретах физики, химии и биологии, которые людям еще только предстоит раскрыть, что Мартину хотелось говорить еще и еще.

Иногда они замолкали и просто шли рядом, думая каждый о своем, не ощущая при этом скованности. Мелани говорила мало, но из-за этого все сказанное ей казалось Мартину весомым и личным. Мел рассказывала, как она любит своих младших братьев, хотя они часто мешают ей делать уроки своими шумными играми. Она давно научилась управляться с ними, так даже мама говорит и спокойно оставляет на Мелани братьев, когда уходит на ночную смену, или идет на очередное собеседование, или сама отправляется посидеть с чужим ребенком. «За этих сорванцов я спокойна, ведь с ними Мел», – так она говорит и целует дочь в лоб на прощание. Еще Мел рассказала, что больше всего на свете любит, когда остается дома одна.

– Это случается очень редко – когда мальчиков отправляют на выходные к бабушке, а мама уезжает по своим делам. Тогда я могу делать абсолютно все что захочу. Я наливаю себе молока, беру книгу и усаживаюсь с ногами в кресло на веранде. Оно огромное и старое, но удобнее кресла я еще не видела. Мама рассказывала, что папа нашел его на каком-то блошином рынке, притащил в дом, заново перетянул обивкой и гордо предлагал каждому гостю передохнуть, сидя в «удобнейшем из кресел, когда-либо созданных». Папа вообще был смешным. Я немножко помню, что он умел доставать монету у меня из-за уха. Я никогда не могла понять, как он это делает, и каждый раз приходила в восторг. Сейчас-то я понимаю, что он просто прятал ее в рукаве. У него были ловкие и сильные пальцы. Он был скульптором. У нас не осталось его работ, мама говорит, что пришлось продать их за бесценок, когда родился Томми. Но я уверена, что он был хорошим скульптором. Мама говорит, что он умер от того, что был настоящим художником, у него не выдержало сердце. У настоящих художников сердце все чувствует в тысячу раз сильнее, чем сердце обычных людей. Это небывалая нагрузка, ее трудно выдержать, вот папа и не смог. Веришь мне, Мартин? – она строго смотрела на Мартина, прищурив глаза.

И от этого взгляда все доводы Мартина о строении человеческого организма, о сердце, которое, как насос, перегоняет кровь, о деятельности мозга, которая отвечает за эмоции, – все они рушились, и он коротко кивал.

– Конечно, верю. Сердце художника – известный факт.

Когда они уже подходили к особняку Стоунов, Мартин неожиданно вспомнил про свой праздник. Ему захотелось, чтобы Мел пришла к нему домой и хлопала в ладоши вместе с другими гостями, когда он задует свечи на праздничном торте, чтобы она поиграла с его щенком, которого родители обязательно ему подарят, увидела книги и пластинки, о которых он ей рассказывал.

– Мел, ты придешь ко мне на день рождения? Приходи, будет здорово.

Она почему-то смутилась и опустила голову.

– Я спрошу у мамы. Я бы очень хотела прийти.

– Дедушка хочет подарить мне андроида. Это такой маленький робот-человечек. Дед сам его для меня сконструировал. – Мартин ничуть не хвастался, но Мелани пораженно вскинула брови.

– Твой дедушка – изобретатель?

– Он профессор кибернетики, – пожал плечами Мартин. – На самом деле, я куда больше жду подарка от мамы и папы, они обещали подарить мне маленького щенка. Он будет расти вместе со мной и станет мне настоящим преданным другом.

Мелани даже вскрикнула от восторга и захлопала в ладоши.

– Как я рада, что у тебя будет собачка! А у меня есть котенок!

– Здорово, вот только щенка нужно будет выгуливать. Мама сказала, что я должен брать на себя ответственность и каждый день гулять с ним, – рассудительно объяснил Мартин.

– Будем выгуливать его вместе? – Мелани уже видела себя на лужайке, бросающей пушистому щенку яркий мячик. – Это будет так весело, Марти!

– Я согласен, – ответил он с готовностью.

– Ну, я пойду? – Мелани повернулась и пошла, то и дело оборачиваясь на Мартина.

– Я буду ждать, приходи сегодня!

– Хорошо! – Мелани обернулась и посмотрела на Мартина, а потом будто приняла важное решение и быстро пошла назад, словно боясь передумать, если остановится. Приблизившись, она приподнялась на цыпочки и поцеловала Мартина в щеку, а затем убежала, не дав ему вымолвить и слова.

Мартин ничего не понял, он стоял, как одурманенный, еще чувствуя на щеке этот быстрый поцелуй, еще ощущая запах волос Мелани. Он неосознанно провел рукой по щеке и, пошатываясь, пошел к своей двери.

...Мартин хотел незаметно проскользнуть в свою комнату, чтобы еще немного оттянуть момент, когда родители увидят его опухшую губу, новые царапины и синяки. Что-то подсказывало ему, что мама не отнесется ко всем этим приобретениям так же спокойно, как мистер Сандерс. Но стоило ему сделать пару шагов, как он увидел, что навстречу ему по коридору ковыляет щенок. Абсолютно белый, пушистый, с угольным носом-пуговицей, он напоминал полярного медвежонка. Мартин уже не верил своему счастью – слишком много хорошего свалилось на него за один день. Он опустился на колени и протянул руки к щенку.

– Иди, иди сюда! Хороший, хороший. Ты ведь мой? Мой пес? Иди сюда, мой хороший. – Он приговаривал, сам не понимая, что несет, но определенно что-то радостное и ласковое, боясь отпугнуть щенка, не веря, что это теперь его, Мартина, собака, верный друг.

Но щенок, казалось, все понял. Завиляв хвостом, он бросился к протянутым рукам мальчика. Он так торопился, что, приблизившись к Мартину, не сумел вовремя затормозить: передние лапы разъехались, и он смешно растянулся на паркете. Мартин рассмеялся и сгреб неуклюжего приятеля в объятия, а щенок в ответ лизнул его шершавым языком в нос.

– Вот и подружались! – Родители, тихо наблюдавшие за первым знакомством из-за открытой двери столовой, покинули свое укрытие и, уже не сдерживая смеха, смотрели, как Мартин гладит щенка.

– Мам, пап! Это ведь мне? Это ведь мой, мой щенок? – торопливо спрашивал Мартин, пытаясь увернуться от слюнявых нежностей нового друга.

– Тебе, конечно. Я что-то не вижу здесь других именинников, – шутливо успокаивал его отец. – Ну, вот что. Кажется, твои родители тоже заслужили хорошие объятия, – с напускной строгостью заявил он.

Мартин, опустив щенка на пол, обхватил руками шеи сразу обоих родителей.

– Спасибо, спасибо! Я так рад, вы даже не представляете. Я даже не думал, что в одного человека может поместиться столько радости разом!

– О, кажется, это ваша с папой общая черта, – рассмеялась Элен.

– И не самая худшая, скажу я тебе! – отвечал Крис.

– Подожди-ка, что у тебя с лицом? – Элен заставила Мартина повернуться к свету и испуганно оглядела ссадины на лбу и щеке, разбитую губу, синяк, проступивший под глазом. Мартин старался высвободить свое лицо из ее ладоней и недовольно морщился.

– Да все хорошо, мам. Мне совсем не больно. Честно.

– Может, тебе и не больно, а мне – больно. Мне больно на такое смотреть. А где твои очки?

Она не укоряла Мартина, но ее голос звучал так расстроено, что ему стало не по себе.

– Ну, мам, надо же мне менять свой стиль. Я стал старше на год, мне нужны стильные очки в модной оправе. Вот я и избавился от старой модели, – попытался пошутить он.

– Что-то в последнее время слишком часто ты меняешь свой стиль, и в ход идут почему-то всегда только очки. Ну, с кем ты подрался? Снова эти трое? – Элен уже думала о том, что нужно предпринять: смазать ссадины антисептиком, прикладывать холодное уже поздно, синяк скоро потемнеет, нужно что-то рассасывающее... А эти дикари из школы? Снова звонить директору? Это бесполезно, беседы их не вразумляют. Перевести Мартина в другую школу? Она подальше, но, кажется, там выше уровень преподавания, и не будет этой вечной беспричинной травли от одноклассников...

– Марти, давай переведем тебя в другую школу? Сколько можно терпеть эти издевательства? Ты ведь даже не можешь объяснить, из-за чего они к тебе пристают. Как мы можем решить проблему, которой будто бы нет? Давай...

Мартин не дал ей договорить:

– Не нужно меня никуда переводить. Дураков полно в любой школе. Не будут приставать эти – пристанут другие. С этими я сам разберусь, не волнуйся, – он успокаивающе положил маме руки на плечи. – Не волнуйся.

– Подожди, но за что они тебя побили? Ведь была же какая-то причина? – Элен всматривалась в лицо сына. Тонкие черты лица немного исказились из-за отека, большие голубые глаза смотрели спокойно, но немного рассеянно и беспомощно, потеряв привычную защиту очков. Мартин улыбнулся и пожал плечами, будто говоря: «Ну что с них взять?»

– Думаю, дело в том, что я не похож на этих мальчиков. Не похож на них и им непонятен. А непонятное кажется им враждебным. Вот они и доказывают свое превосходство единственным доступным им способом.

Мартин опустил на колени и притянул к себе щенка.

– Да и вообще, ты знаешь, мам, я нашел себе друга в школе. Так что переводиться в другую было бы глупостью, ты же сама говорила, что настоящие друзья – это богатство, которое нужно ценить и беречь. Вот я и буду беречь.

Элен заинтересованно вскинула брови.

– Друг? Это замечательно. Как же его зовут?

– Мелани, – ответил Мартин, не переставая тормошить щенка. – Мел.

– Твой друг – девочка? Интересно было бы с ней познакомиться, да, Крис? – Элен лукаво взглянула на мужа.

– Конечно! И я, честно говоря, не понимаю, какая разница, мальчик это или девочка. Скажу тебе, девочки часто могут дать фору самым бойким парням. Помнится, мы с твоей мамой тоже подружились еще в школе, и она... – рассеянно отвечал Крис, не замечая, что его сын начал краснеть.

Элен быстро перебила мужа:

– Послушай, ты должен пригласить ее на свой праздник!

Мартин радостно вскинул голову.

– Да, мам, я так и сделал! Мне кажется, это будет самый веселый день рождения в моей жизни.

– О! Не стоит зарекаться! – рассмеялся Крис. – У тебя впереди еще не один день рождения, и, надеюсь, они все будут неплохи. Но подожди, ты не хочешь придумать имя этому сорванцу?

Щенок вытянул из обувной полки тапочек и начал его грызть.

– Я назову его Ларри!

– Почему именно Ларри? – спросила Элен, освобождая тапочек из плена. – По-моему, это самый настоящий Пушок, а скорее даже Пират.

– Ну нет, мам. Это Ларри. Настоящему другу – настоящее имя.

– Это верно, сын. Ко всему в этой жизни нужно относиться серьезно. И к друзьям, и к врагам. Поэтому у меня для тебя еще один подарок. – Крис достал из шкафа объемный сверток.

– Боксерские перчатки? – Мартин раскрыл оберточную бумагу и с удивлением поднял глаза на отца. – Но я думал, ты не приемлешь насилия.

– Не приемлю, именно поэтому дарю тебе их. Сколько можно терпеть насилие со стороны каких-то оболдуев? Пора заняться самообороной.

– Да, я тоже так считаю! Но пап, я уже решил, что займусь карате! – Мартин уже нацепил перчатки и теперь наносил сокрушающие удары по воздуху.

– Да такими темпами ты станешь грозой всех местных хулиганов! – рассмеялась Элен.

– Ха-ха! Да, мам, буду защищать слабых и униженных! А Ларри будет мне помогать! – Мартин смешно выпятил грудь. – Что скажешь, Ларри, напарник?

Щенок вилял хвостом и прыгал вокруг своего хозяина, не понимая ни слова, но радуясь всеобщему веселью и смеху.

Из столовой появилась домработница семьи Стоунов, Розы. Толстая, добродушная Розы была с ними с самого рождения Мартина и души не чаяла в своих хозяевах, а особенно в мальчишке, чем-то напоминавшем ей ее собственного сына.

Она немного постояла, наблюдая за радостной возней в коридоре, но, вспомнив, что в духовке без ее присмотра оставлен корж для праздничного торта, спохватилась.

– Миссис Стоун, миссис Стоун! На кухне почти все готово, скоро начну украшать торт. Стол накрыт, не хотите сами посмотреть, все ли в порядке?

– Конечно, Розы, пойдем. Ты сегодня так помогла мне. Когда начнут собираться гости, можешь идти домой, сын тебя, наверное, уже заждался. Обещаю, ты получишь дополнительный выходной за сегодняшнюю задержку.

– Спасибо, миссис Стоун! – Розы просияла.

Элен и Розы исчезли за дверью столовой, обсуждая, когда лучше начать подавать закуски и какие бокалы лучше подходят для праздничной сервировки, а Мартин все не мог оторваться от щенка. Он так и сидел на ковре в прихожей, играя с Ларри, тормоша его, запуская пальцы в его густую шерсть. Щенок смешно упал на спину и подставил Мартину свой розовый живот.

Крис посмотрел на них и, опустившись на пол рядом с сыном, тоже начал почесывать щенячий живот.

– Послушай, сын, ты правда не переживаешь из-за этого? – он показал глазами на крупную ссадину у Мартина над бровью. – Можешь сказать мне, в отличие от мамы я менее впечатлителен.

– Иногда я так злюсь на этих парней, а еще больше на свою беспомощность, что мне становится тяжело дышать. Но это проходит. – Мартин серьезно взглянул на отца.

– Знаешь, сын, скажу тебе так: любой мужчина когда-нибудь терпит поражение, но важно то, какой урок он вынесет из этого – продолжит свой путь или сдастся на милость судьбы.

Мартин на секунду задумался и вдруг с улыбкой поднял на отца свои голубые глаза. Сейчас они были ясными, без дымки задумчивости и очень напоминали счастливые глаза Элен.

– Я понимаю, пап! Нельзя сдаваться. В человеке важна не его сила, а его дух. Я все понимаю.

Крис улыбнулся и притянул к себе худенькие плечи сына.

– Ты все правильно понимаешь.

.....

Мелани спешила домой. Никакие заколки не могли удержать ее густые волосы. Отдельные пряди развевались на ветру, а она так спешила, что и не думала о том, чтобы пригладить их. Она встряхивала головой, и ветер сильнее спутывал пряди, уже больше походившие на язычки рыжего пламени.

Мел все прокручивала в голове момент, когда она, повернувшись, вдруг поняла, что нужно обязательно поцеловать Мартина на прощание, что иначе все будет неправильно. Интересно, что он думает об этом? Мелани краснела, ощущала жар на щеках и шее и подставляла лицо ветру, чтобы остудить. Наверное, это было нелепо. Просто глупость какая-то. стыдно вспомнить. Он даже ничего не сказал ей. А разве она дала ему возможность? Она же сразу убежала! Вот дура... Мел низко опустила голову. Внимательно глядя на свои ноги, она чекала шаг. Хотя, в сущности, что он мог сказать? Она подняла голову и задумчиво посмотрела вверх, на небо. «Спасибо, Мел, мне очень понравилось»? Или наоборот? «Что за телячьи нежности, Мелани, отстань»? Нет, конечно. Хорошо, это хорошо, что она так быстро убежала. И, кажется, это хорошо, что она поцеловала его. Пусть он знает, что он ей очень дорог. Кажется, дороже всех. Как хорошо, что они теперь друзья. Как хорошо, что сегодня вечером они снова увидятся, будут разговаривать, смеяться, вместе играть с его щенком. Интересно, как выглядит его комната? Наверное, она ужасно красивая, со шкафами, забитыми книгами, с постерами на стенах, с музыкальным центром и разными музыкальными дисками. А родители? Интересно, как выглядят его родители, какие они? Наверное, Мартин больше похож на маму. Есть что-то от женской красоты в его тонком лице... А папа однажды приходил к ним в школу, рассказывал о своей работе, а Мел в тот день не было: младший заболел, мама не могла пропустить работу, и ей ничего не оставалось, как в очередной раз поработать няней для своего братишки. Наверное, отец Мартина ужасно умный, в этом Мартин на него похож.

Так, то бледнея, то заливаясь пунцовым румянцем, не сбавляя шага и не замечая ничего вокруг, Мелани подошла к своему небольшому дому. Привычно проверила почтовый ящик и, тихо открыв дверь, сразу же поднялась по лестнице в свою комнату. Она хотела побыть одна. Братья гостили у бабушки, а мама, наверное, только вернулась с утренней смены в кафе и сейчас отдыхает, положив усталые ноги на подушку. Мелани раскрыла дверцы шкафа и грустно выдохнула. Непонятно, что она ожидала там увидеть: пара шерстяных свитеров, старая юбка, перешитая из маминых деловых брюк, платье в пестрый цветок, из которого она давно выросла. Небogatый гардероб был знаком ей до последней детали, но каждый раз, собираясь пойти куда-то, она зачем-то распаивала дверцы шкафа, будто бы могло произойти чудо и шкаф будет набит новыми прекрасными вещами. Что расстраивало ее больше всего – такой ход событий совсем не показался бы чудом ее одноклассникам. Однажды она шла домой, болтая о чем-то со Стейси Андрес, кажется, им нужно было совместно готовиться к лабораторной по биологии.

Они тогда попали под ужасный ливень, и Стейси предложила Мел зайти, переждать дождь и отогреться. Мелани помнила, как Стейси раскрыла шкаф и скучающе осмотрела полки.

– Держи, мне кажется, эти джинсы тебе подойдут, – проговорила она и кинула в руки Мел аккуратно сложенную вещь. – Вернешь как-нибудь. Или не возвращай. Мама зачем-то купила их мне, но по стилю они совсем мне не подходят. Эти родители...

Джинсы были совсем новые и сидели на Мелани как влитые. Она не собиралась носить их, это было бы унижительно, но они лежали на ее полке уже несколько недель, чистые и выглаженные. Набраться смелости, чтобы отдать их обратно Стейси, Мел тоже не могла.

Ну что ж... Не идти же на день рождения в старой школьной форме! Красивую розовую блузку можно взять у мамы, она однажды уже одалживала ее Мел. Осталось только расчесать эту гриву – и она будет готова. Может быть, мама даже сможет подвезти ее до дома Мартина.

Мелани подошла к зеркалу и взяла расческу. В отражении она увидела свою маленькую комнату – стену со старыми обоями, двухъярусную кровать, на которой она когда-то спала вместе с братишкой Полом, пока он не переехал в комнату близнецов, старую куклу в углу, давно забытую и покинутую своей повзрослевшей хозяйкой, картину на стене, оставшуюся от отца. Она была нарисована на листе, вырванном из детского альбома. Наверное, только поэтому она и сохранилась в их семье – никто не захотел покупать картину, выполненную с таким небрежным подходом к выбору материалов. Да и написана она была обычной акварелью Мелани. На рисунке был изображен их дом, только рядом с крыльцом росло высокое дерево, а на одной из его веток замерли качели. Газон был не подстрижен, и трава касалась ступеней веранды, а там на своем обычном месте красовалось «самое удобное кресло из когда-либо созданных». Солнце почти закатилось за горизонт, и крыша, трава, крона дерева – все отливало розовым цветом. Это была чудесная картина, Мелани знала это точно. И еще она знала, что не продаст ее, даже когда все поймут, каким гениальным художником был ее отец, а картина будет стоять целое состояние. Мама рассказала, что дерево возле их дома – не выдумка. Это был огромный и сильный дуб, на который папа действительно однажды повесил легкие качели.

– Ох, и страшно мне было смотреть, как он лезет на эту верхотуру! – закатывала глаза мама.

А потом, когда дела их шли уже неважно, а папино сердце болело все чаще и он хотел все больше времени проводить в своей мастерской, переделанной из подвального помещения, в дуб ударила молния. Удар был таким сильным, что расколол дерево надвое. Было странно видеть, как этот когда-то статный красавец был разрушен в одну минуту. Одна половина ствола почернела от огня и копоти, а вторая осталась светлой – сильный ветер и ливень не дали огню перебраться на нее. Потом его распилили и увезли. А на память о том времени, когда еще не прогремела страшная гроза, у Мелани остался папин рисунок.

Она вздохнула и принялась расчесывать спутанные пряди. Ей хотелось выглядеть красиво, но при этом так, чтобы не было заметно, как она старалась для этого. Хотя Мартин, наверное, все равно все поймет. Кажется, он все понимает и знает все на свете. В любом случае она еще не видела человека умнее. А как интересно он говорит! Страшно вставить слово, перебить его. Все-таки это удивительно, что ему захотелось дружить с ней, и это лучшее из того, что случалось с ней за долгое время.

Мелани спустилась вниз, чтобы увидеть себя в полный рост в дверце платяного шкафа. Мама сидела на кухне и обводила в газете объявления о работе. Вообще-то она была архитектором, правда, ей не удалось закончить последний курс колледжа, потому что родилась Мелани.

– Просто в жизни появилось куда более важное дело, – так объясняла она это знакомым и указывала глазами на Мелани.

К сожалению, в городе было мало желающих взять на работу не закончившего колледж специалиста с четырьмя детьми, поэтому мама подрабатывала там, куда ее брали охотно. Уборщица, продавщица в магазине косметики, официантка, кассир в супермаркете, сотрудница

колл-центра. Все эти работы приходили и уходили, невозможно выматывая, надоедая, принося маленький заработок, но все же держа их семью на плаву.

– Мел, ты что, собралась куда-то? – мама отложила газету.

– Мартин Стоун пригласил меня на свой день рождения, я собиралась пойти. Ты ведь не против? – Мелани привыкла, что она сама управляет своим временем и сама решает, что ей делать, а что нет.

Саманта, мать Мелани, нервно отпила немного кофе из кружки и, взглянув на часы, тихо сказала:

– Мелани, если честно, я хотела тебя кое о чем попросить.

Мелани продолжала поправлять волосы.

– О чем же? Говори, мама, я не хочу опаздывать.

– Мне очень нужно, чтобы ты сегодня посидела с малышом миссис Доусон. Я давно обещала ей, тем более она хорошо платит. Понимаешь, меня позвали на повторное собеседование сегодня. Это значит, что я им чем-то понравилась, они заинтересованы во мне, поэтому хотят задать еще пару вопросов. Такие встречи нельзя пропускать. – Саманта была похожа на маленькую девочку. Мелани вообще часто казалось, что она намного старше своей матери.

– Для тебя это так важно? – без капли надежды спросила она.

– Если собеседование пройдет удачно, меня возьмут на работу, а это значит, что наша жизнь станет немного полегче.

– Хорошо, мама. Я останусь.

Мелани говорила не поворачивая головы, продолжая глядеть в зеркало. Только ее собственное отражение казалось ей все более размытым и нечетким. Она зажмурилась, злясь на себя за то, что так расфантазировалась и разоделась, злясь на горячие слезы, не желающие отступать, и, встряхнув волосами, медленно пошла вверх, в свою комнату. За ней так же медленно, со ступени на ступень, карабкался котенок. Он тонко мяукал, будто чувствуя грусть своей хозяйки.

Оказавшись в своей комнате, Мел быстро вытерла слезы и переоделась в домашнюю одежду. Она никогда не позволяла себе быть слабой. Этому она научилась уже давно. «Ну что ж, значит, так надо, – думала она, глядя на акварель отца. – Ведь ничто плохое не случается просто так, как и ничто хорошее не дается случайно. Просто сейчас мне это еще непонятно».

.....

...Ничто не случается просто так. Значит, не просто так в этот вечер еще один гость все никак не показывался в гостиной, где во главе стола сидел Мартин в бумажной короне и то и дело поглядывал на дверь, а гости передавали друг другу закуски, звонко сталкивали бокалы и поздравляли именинника.

Профессор Стоун все еще был в клинике. Он прошел вдоль рядов новой техники, которую на прошлой неделе завезли и оставили не до конца распакованной, неподключенной, полумертвой в пустом кабинете. Профессор любовно стер пыль с одного из аппаратов.

– Здравствуйте, мои хорошие. Как долго я вас ждал, – проговорил он еле слышно. Но тут же легонько хлопнул себя по лбу. – Но сейчас я здесь по другому, не менее важному поводу, – проговорил он непонятно кому и вышел из кабинета.

Спустя несколько часов медсестра клиники Мэри, оставшаяся на ночное дежурство, проходя по коридору, заметила, что в одном из кабинетов включен свет. Она распахнула дверь и застала профессора Стоуна сидящим на подоконнике. Он был уже в пальто и шляпе, будто собрался уходить. В руках его был свежий номер журнала о медицине. Доктор прикусил нижнюю губу и быстро перевернул страницу, даже не заметив, что Мэри вошла в кабинет.

Вдруг Мэри заметила маленького робота, резво шагающего от стены к стене. Ноги на шарнирах сильно сгибались в коленях, и робот будто бы немного пританцовывал, в очередной

раз доходя до стены. Вдруг робот повернулся прямо к Мэри. Он замер, обрабатывая какую-то информацию, а затем громко проговорил механическим голосом:

– Че-ло-век. Человек. Здравствуйте, человек. Я – робот. Мое имя – А1.

Медсестра улыбнулась.

– Очень приятно, робот А1. А мое имя – Мэри.

– Очень рад знакомству! – по слогам выдавил из себя А1 и, будто запоминая, повторил, смешно растягивая слово: – Мэ-ри.

Робот кивнул головой, снабженной глазом камеры, и вернулся к своему прежнему занятию – путешествиям от стены к стене.

Медсестра снова повернулась к профессору, который так и не поднял головы от журнала.

– Профессор! Профессор Стоун!

Тот только нахмурил седые брови.

Мэри подошла к нему и легонько дотронулась до его плеча.

– Профессор, – позвала она уже негромко.

– Ах, Мэри, да-да, конечно, я сейчас, я все, я просто зачитался, Мэри. Это удивительная статья, думаю, вам тоже нужно когда-нибудь ее прочитать – не пожалеете.

Профессор уже было хотел коротко пересказать содержание, но Мэри мягко перебила его:

– Ваш сын звонил, просил напомнить, что у вас в семье сегодня важное событие, которое вам никак нельзя пропускать. Вы ведь помните, что у вашего внука сегодня день рождения? Гости собрались, вас все ждут. Ваш сын звонил и просил поторопить вас.

Лицо профессора просветлело.

– Да, да, конечно! Марти стал совсем большим, вы не поверите, как взросло и умно он рассуждает на самые разнообразные и сложные темы! Да я ведь и зашел сюда, только чтобы забрать подарок для него. Вот этого робота я собрал специально ко дню рождения мальчика. Думаю, ему понравится, как вы полагаете?

– Конечно! Какой мальчик не обрадуется такому подарку! – Мэри еще раз посмотрела на бойкую фигурку, шествовавшую от стены к стене.

– Я, видите ли, уже собрался было выходить, но вдруг на глаза попалась эта статья. Я так увлекся, что забыл о времени. Здесь, понимаете ли, интереснейший подход. – Он снова опустил на подоконник и погрузился в чтение.

– Профессор, профессор! – Мэри рассмеялась. – Вы сейчас снова забудете обо всем. Идите, уважаемый профессор Стоун, и передайте, пожалуйста, Мартину мои наилучшие пожелания. Внизу вас уже сорок минут дожидается водитель.

– Конечно, конечно. Всего доброго, Мэри, – пробормотал профессор и направился к двери. На полпути он остановился и со смехом хлопнул себя по лбу: – Чуть не забыл! Подарок!

Он вернулся за роботом и, вынув из кармана небольшой пульт, нажал кнопку. Робот перестал ходить и медленно замер, низко опустив голову. Рядом с его камерой-глазом продолжил мигать маленький красный огонек. Профессор аккуратно обернул робота упаковочной бумагой и уложил в небольшую сумку.

– Ну все, теперь, кажется, ничего не забыл.

На улице зарядил дождь, и профессор поскорее забрался на заднее сиденье черного «мерседеса», который прислал за ним сын. Водитель Ронни приветливо обернулся к своему пассажиру:

– Что-то вы припозднились сегодня, профессор.

Ронни работал водителем Стоунов уже несколько лет и хорошо знал привычки и распорядок всех членов семьи. Мартина он старался везти по живописным улицам, потому что паренек обожал смотреть в окно на дома, которые они проезжали. Доктор Стоун всегда ценил

скорость, а вот профессора нужно было быть готовым подождать, он всегда задерживался в лаборатории допоздна.

– Просматривал журналы и наткнулся на любопытную статью... – задумчиво ответил профессор. Он уже повернулся к окну и думал о чем-то своем.

«Мерседес» миновал внешний пост клиники, охранник закрыл за ним высокие ворота. Капли дождя стучали в окна, дворники на лобовом стекле работали не переставая и все равно не справлялись с потоками воды. Улица плыла, и за окном, отблескивая светом ночных вывесок, светофоров и фонарей, силуэты людей сливались в единую темную массу.

– Кажется, гроза разыгралась нешуточная, – сказал Ронни. – Как там моя Лиззи одна? Ужасно боится грозы эта женщина, что-то ей мерещится в молниях. Думает, что молния непременно должна угодить в наш дом или в дерево ударить. Глупая бедняжка... – Он умолк, увидев, что профессор не слушает его, и повернул на более узкую улицу. В свете фар мелькнул плакат с ярким изображением мэра и крупной надписью «Я обещаю процветание!». Мэр старательно показывал желтоватые зубы, изображая радушную улыбку.

– Они только обещают... Где оно, это процветание? – громко, с досадой проговорил водитель. Его слова отвлекли профессора от каких-то размышлений, и он рассеянно переспросил:

– Что вы говорите, прошу прощения?

– Да нет... Это я так. Обещают они процветание, а дороги все разбиты, сынишку страшно одного в школу отправлять, приходится подвозить, благо ваш сын позволяет машину брать. Автобус школьный до нашего дома не доезжает, такой район, – проворчал Ронни и, боясь потерять собеседника, сам задал профессору вопрос: – Вы вернетесь в Калифорнию?

– Нет. Я хочу быть ближе к своей семье, помогать сыну. Семья – это ведь самое дорогое, что у нас есть, верно, Ронни? – профессор улыбнулся.

– Что правда, то правда. А ваш сын – замечательный человек, профессор. Никогда зря не наругает, всегда поможет в беде. Я горд, что работаю на такого человека, как он.

– Спасибо, Ронни. – Профессор снова взглянул в окно. Машина выехала на широкую автостраду. Здесь уже образовалась пробка, и, пристроившись в конце колонны машин, Ронни притормозил.

– Похоже, что это надолго, профессор...

– Пожалуй, я прогуляюсь, – ответил он, взглянув на часы, – здесь уже совсем недалеко. Благо дождь, кажется, унялся.

– Будьте осторожны профессор, на улицах беспокойно. – Ронни было хотел тронуться, но остановился и посигналил: – А сумка как же? Забыли!

Он выхватил сумку с заднего сиденья и догнал старика. Профессор в очередной раз хлопнул себя по лбу:

– Голова моя дырявая! Спасибо, Ронни, сегодня я совсем память потерял. Спасибо и всего хорошего.

Высоко подняв воротник, профессор спешил к дому, стараясь обходить глубокие лужи. Он думал о том, как Крис хорошо справляется со своей непростой работой, как ему легко удается не замечать славу и сохранять достоинство. Думал о том, что Мартин стал совсем взрослым, и на некоторые его вопросы становится все сложнее, все интереснее отвечать. А иногда он уже не может найти ответы на вопросы внука, и тогда тот сам находит их, отправляясь в библиотеки или во Всемирную сеть. «Скоро он начнет учить меня, а не наоборот. Да он уже это делает, просто я пока этого не замечаю», – думал профессор.

В своих размышлениях он не заметил, что его настойчиво преследует мужчина в черной куртке и бейсболке. Запомнить его невозможно, такие люди часто встречаются на улицах города, в метро или автобусе. Они самые обычные, ничем не примечательные жители мегаполиса, их лица настолько лишены индивидуальности, что, даже пристально взглядевшись в одно из них, невозможно воспроизвести в памяти этот облик.

Профессор остановился в толпе ожидающих зеленого сигнала светофора, а за секунду до того, как вся толпа качнулась и потекла через дорогу, мужчина, так долго следовавший за ним, резко рванул сумку из расслабленной руки профессора и побежал с ней через дорогу, расталкивая прохожих.

– Постойте! Что же это? Молодой человек, постойте... Зачем вам? – Профессор даже не крикнул вслед грабителю, он растерянно оглядывался, ища поддержки, но люди торопились пройти мимо, не замечая его или не желая замечать.

– Негодяй! Это ведь был подарок внуку! – в сердцах крикнул он куда-то в спины уходящим прохожим.

Вор давно уже слился с толпой и при первой же возможности свернул в тихий переулок. Он тяжело дышал после быстрого бега, да и сумка оказалась тяжелее, чем он ожидал. Может быть, там у старика компьютер? Было бы неплохо, его сейчас легко можно загнать парню в двух кварталах отсюда.

Он поспешно расстегнул молнию на сумке и слегка отпрянул, увидев человекообразного робота с мигающим датчиком во лбу.

– Это что еще за хреновина? – пробормотал он и высвободил андроида из сумки. Робот вышел из спящего режима и завертел головой в поисках объекта для общения и источника новых заданий. Рабочий робот не должен сидеть без дела.

– Человек... Человек... Здравствуйте, человек. Я робот, меня зовут А1, – проговорил он своим скрипучим голосом, фиксируя в базе данных перепуганное лицо бандита.

– Твою мать! – испуганно выкрикнул вор и отбросил от себя говорящую игрушку – уж больно зловеще горел этот красный глаз. Тем более в такой штуке легко могла оказаться камера, а ему совсем не хотелось бы в очередной раз попасть в розыск. Робот упал в лужу, и какие-то контакты заискрились от попадания воды.

– Плохой человек... Плохой человек... – Красный датчик заморгал чаще, а конечности А1, еще недавно заставлявшие его так смешно пританцовывать, беспомощно двигались в воздухе.

Лицо мужчины исказила гримаса отвращения, смешанного со страхом.

– Да пошел ты... – Он со всей силы опустил толстую подошву на голову робота. По пластиковой поверхности прошла глубокая трещина.

– Пло-хой... – искаженным голосом, кажущимся от этого еще более издевательским, в последний раз проговорил робот.

Мужчина продолжал топтать его, вымещая свою бесконечную злобу, превращая механизм, созданный разумом и руками любящего человека, в бесполезную крошку.

.....

...В это время в доме Стоунов продолжался праздник. Только именинника нет за большим столом. Мартин нетерпеливо дергает телефонный провод в своей комнате.

– Алло, Мелани? Здравствуй. Почему же ты не пришла? Я тебя ждал.

– Не обижайся Мартин, мне нужно было помочь маме.

– Я тоже иногда помогаю маме, – понимающе вздыхает Мартин.

– Тебе подарили щенка? – оживляется девочка. Она не хочет подавать виду, как она рада этому позднему звонку.

– Да... Маленький, пушистый, смешной. Тебе он непременно понравится.

– Какого он цвета? – спрашивает Мелани, стараясь во всех подробностях вообразить себе щенка.

– Он белый, как полярный медвежонок. Только черный нос торчит, – усмехаясь, объясняет Мартин.

– А как ты его назвал? – допытывается Мелани.

– Ларри.

– Красивое имя!

– Конечно, ведь нельзя называть настоящего друга каким-нибудь дурацким именем вроде Шарик или Пушок! Верно я говорю?

– Конечно, ты прав. Ларри – идеальное имя.

– Так что же, завтра после уроков погуляем с Ларри? – неуверенно спрашивает Мартин, но тут же успокаивается, услышав быстрый ответ:

– Конечно. Мне ужасно хочется поскорее его увидеть! До скорого!

.....

Для всего есть свои причины. Иногда эти причины очевидны, а иногда остаются неизвестными для нас еще долгие годы. Так, профессор Стоун, добрейший и деликатнейший из людей, растерянно остановился посреди потемневшей улицы. Дождь заливался ему за воротник, а он, не замечая этого, все всматривался в проходящую толпу, будто надеясь увидеть участливое лицо или остановить незадачливого бандита, объяснить ему, как бесполезен и даже опасен может быть сложный механизм, попавший в неверные, злые руки. Но никто не останавливается, не смотрит с участием. Люди спешат обойти странного старика.

В это же время Мелани, уже уложившая чужого ребенка, вернулась к себе и задумчиво играет с маленьким котенком. Мысли ее далеко. Она представляет, что отец ее жив, а картины его выставляются в лучших галереях мира. Маме не нужно день и ночь работать на изнурительной службе, а она, Мелани, может почувствовать себя обычной девочкой без груза ответственности на хрупких плечах. Она отгоняет от себя эти мечты, потому что знает: они только разбередят душу, ослабят ее, ничего не принесут взамен, кроме тоски и горечи. Все эти испытания зачем-то нужны. Для чего-то сегодня мне одиноко и грустно, для чего-то я не смеюсь вместе с Мартином в его большом, светлом доме, среди милых людей. Для чего-то, я только пока еще не знаю, для чего. Мелани вздыхает еще раз и кладет голову на подушку. Только сейчас она поняла, что ужасно устала. Едва она закрывает глаза, как сон уносит ее из комнаты. Она видит Мартина, тянущего к ней руки. Мелани рада ему и тянет руки в ответ, хочет прикоснуться, сказать что-то, но не может. Невидимая преграда разделяет их и не дает сойтись. Лицо Мартина темнеет, становится размытым, и Мелани уже не может разобрать, смеется он или плачет. Вдруг она четко видит слезу, блеснувшую на его левой щеке.

.....

...Мартин нетерпеливо ерзал на стуле. Дедушка, теперь единственный долгожданный гость, все не шел. Мартин пытался прислушиваться к разговорам взрослых, но они казались ему скучными. Он поиграл с Ларри, пока тот не начал спотыкаться на ходу, а когда понял, что щенок уже не держится на ногах от усталости, отнес его в плетеную корзину, на дне которой лежала его старая домашняя курточка – Роза позаботилась. Мартин даже не мог есть свой праздничный торт. Методично ковыряя недоеденный кусок вилок, он то и дело вскидывал голову, готовый бежать к двери. Каждый звук казался ему стуком в дверь, эхом дедушкиных шагов под окнами.

Наконец он явственно различил звонок в дверь и, спрыгнув со стула, уже ринулся было в прихожую, но понял, что эффективнее будет, если он появится перед дедушкой со щенком на руках, и повернул в кухню.

– Куда ты сорвался? Марти, а гости? Марти, папа откроет дверь! – крик Элен уже не донесся до ушей мальчика.

На кухне, куда ворвался Мартин, все дышало чистотой. Роза только что закончила уборку и сейчас стояла в своем аккуратном, чуть потертом пальто, подкрашивая губы перед зеркалом.

– А, Марти! Какой же ты огромный! Еще раз с днем рождения, мой милый. А чего ты так запыхался?

– Роза, а Ларри где?

– Ларри твой налопался и спит, вон его корзинка, я за плиту сдвинула, чтоб не мешалась.

Щенок, видимо, услышав свое имя, сначала приподнял одно ухо, затем второе. Выбравшись из корзины и спотыкаясь спросонья, он подбежал к Мартину и счастливо замахал хвостом, да так, что сам еле мог стоять на ногах, подаваясь всем телом то в одну, то в другую сторону. Мартин и Роззи не могли удержаться от смеха, и мальчик тут же опустился на колени, чтобы погладить щенка.

– Ух, какой хороший пес! Тебе надо много есть и много спать. Скоро ты станешь большим и сильным. Будешь охранять меня и моих друзей.

Ларри ничего не понял из слов хозяина, но на всякий случай залился счастливым лаем. А заметив, что миска с молоком еще не опустела, деловито направился к ней, чтобы снова подкрепиться.

Тем временем Крис уже открывал входную дверь. Еще продолжая громко отвечать на чью-то реплику, донесшуюся из гостиной, держа на отлете тарталетку, которую ловко захватил с тарелки Элен, он улыбался и начал было шутливо-укоряющую фразу, адресованную отцу:

– Ну, а мы уже зажда...

Фраза оборвалась на полуслове. Крис продолжал улыбаться, только теперь немного растерянно. Из дверного проема на него молча смотрел человек в униформе защитного цвета и черной маске.

– Простите, я как-то... – Крис снова не закончил фразу. Человек, ничего не говоря, направил Крису в лицо длинное дуло пистолета. Крис сделал шаг назад, не подняв рук, не сказав ни слова. А человек спокойно выстрелил ему в лицо, и потом еще раз. Из-за глушителя звуки выстрелов слились со звуками музыки, доносящейся из гостиной. Будто в немом кино, Крис упал, неестественно выгнув шею, запрокинутое лицо залилось красным, острый подбородок и открывшаяся шея казались очень белыми, почти синеватыми. Человек в маске сделал шаг к лежащему и еще дважды выстрелил ему в голову. В его движениях не было суеты или нервозности. Он спокойно, даже чуть скучающе выполнял свою грязную, не очень приятную, но привычную работу. Недовольно взглянув на мелкие капли крови, запачкавшие его штаны, он перешагнул через неподвижное тело. Музыка продолжала играть, изредка ее дополняли взрывы смеха, легкий гул голосов, позвякивание бокалов.

Никто в гостиной не слышал выстрелов и звука падения тела. Элен ответно улыбнулась на какую-то шутку, отпила из бокала и вышла в коридор, чтобы встретить Криса с профессором. Бокал выскользнул из ее руки и разлетелся на мелкие кусочки, ударившись об пол. Элен силилась закричать, но, будто в кошмарном сне, что-то сжимало ее горло, и голос отказывался звучать. Она переводила глаза с фигуры мужа, так нелепо и оттого так страшно раскинувшего руки, на стоявшего рядом с ним человека в черной маске.

Крик пробился через сдавленное горло и ворвался в гостиную, разрезав неразборчивый праздничный гул, но лишь на секунду. Пуля пробила сердце Элен и застряла в стене за ее спиной. Когда-то прекрасное, теперь искаженное криком и ужасом лицо постепенно расслаблялось, обретая выражение безразличия. Только глаза были по-прежнему широко раскрыты, а губы бессмысленно шевелились. Человек в маске выстрелил ей в лоб, и она застыла неподвижно, завалившись на бок, перегородив проход.

Короткий крик донесся до кухни. Никто не придавал ему значения. Роззи провела рукой по голове Мартина, который сидел на корточках рядом со щенком, лакающим молоко, и снова подошла к зеркалу, чтобы еще немного подкрасить губы. В отражении зеркала она видела кусочек коридора и мелькнувшую темную фигуру. Она закрыла помаду и поставила ее на стол. Не говоря ни слова, она подошла к двери и выглянула в коридор. Ее губы задрожали, она еще не понимала хорошенько, что увидела, но быстро и беззвучно закрыла дверь, крепко взяла Мартина за руку и потянула его к двери чулана.

– Роззи, ты чего? Да я же... – Мартин вертел головой, пытаясь понять, что происходит.

– Чщщ-чщщ. – Розы, будто бы Мартин снова был малышом, прижала палец к губам. – Тише, тише, Марти.

– Но Роз...

Домработница крепко припечатала лицо мальчика ладонью, не дав ему закончить. Она открыла дверцу чулана и мягко втолкнула Мартина в темноту, где виднелись силуэты швабр и старой кухонной утвари.

– Тише, прошу тебя, тише. Пришли плохие люди, происходит что-то страшное. Прошу тебя, сиди тихо. – Она мягко закрыла дверь, заперла чулан и спрятала ключ в карман пальто. Мартин затих и прильнул к внутренней стороне двери, стараясь разглядеть что-нибудь через замочную скважину.

Убивать – это очень быстро. Какие-то пять минут назад один из лучших врачей страны и его любящая жена смеялись, ели, отпивали шампанское из легких бокалов, передавали по просьбе гостя соль или перец, нечаянно коснувшись его теплой рукой и не замечая этого. Пять минут назад они были живы. Пять минут прошло, и теперь их тела, неестественно изломанные смертью, неподвижно лежали на полу.

За первым убийцей беззвучно и слаженно через открытую дверь заходят еще трое – в таких же масках, в той же форме защитного цвета. Они перешагивают через тела и проходят к гостиной, один из них наступает тяжелой подошвой на откинутую руку Элен и тихо чертыхается, чуть было не споткнувшись. Резким движением они распахивают двери и начинают стрелять, спокойно, отрывисто переводя прицел, будто в компьютерной игре. Они расстреливают всех, не делая скидки на пол, возраст, выражение испуга на лице, отчаянный крик. Первые умирают, не успев понять, что же произошло, другие пытаются спрятаться под стол, закрывают лица и головы руками, будто бы это сможет защитить их от пуль. Музыка еще продолжает играть из колонок, и происходящее в комнате напоминает пантомиму, в которой актеры без слов изображают ужас. Наконец одна из пуль попадает в музыкальный центр, и в комнате становятся слышны только глухие выстрелы, падение тел, отрывочные крики, стоны умирающих и неровный плач.

Расстреляв всех, люди в масках спокойно расходятся по комнате. Один из них задумчиво смотрит на картину в скромной раме на стене, второй достает книгу из шкафа и, пролистав, бросает на пол. Заглянув под стол, один из убийц видит там мужчину. Он полноват, его круглое лицо бледно и покрыто испариной, через белую рубашку на плече проступило красное пятно. Мужчина мелко трясется. Губы его шепчут:

– Не надо. Не надо. Не надо. – Он будто повторяет заклятие. – Не надо. Я не скажу. Ничего не скажу.

У него начинают закатываться глаза, он вот-вот потеряет сознание.

– Не надо. Не надо, – твердит он. Человек в маске легко останавливает его истерику выстрелом в голову.

За креслом, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками, сидит молодая женщина. Она быстро качается вперед-назад, вперед-назад, из ее открытых глаз катятся слезы. Она не замечает их. Когда убийца резко отодвигает кресло в сторону, она выходит из своего ступора и, прижавшись спиной к стене, кричит срывающим голосом, беспомощно перебирая ногами, будто желая вжаться в стену, слиться с ней, вобрать ее твердость и холод в свое горячее, живое и от того беззащитное тело. Обессиленная, она перестает кричать и только умоляет, мелко тряся головой:

– Прошу вас. У меня ребенок. Прошу вас, не надо. Я ничего никому не скажу. Я закрою глаза. Я сделаю все, что вы скажете.

Человек в маске утвердительно кивает ей головой. И она, на секунду поверив в свое спасение, крепко закрывает глаза, веки ее дрожат, из-под ресниц текут слезы. Человек в маске вытягивает руку и стреляет в упор: в голову, в тело, снова в голову. Он не любил слез, не

любил мольбы и стонов. Что он может поделывать, если задание – уничтожить? Поэтому в таких ситуациях, будто лишний раз проверяя себя на прочность, он уничтожал наверняка, заодно заглушая в себе желание опустить пистолет.

Теперь никто из гостей не двигался, кажется, все были мертвы. Наемники переходили от тела к телу, посылая в головы контрольные выстрелы. Из дальнего угла комнаты с криком поднялся мужчина, его лицо было окровавлено, в глазах читалось безумие. С зажатым в руке столовым ножом он было накинудся на одного из убийц, но, получив удар рукояткой пистолета, осел на пол. За ударом последовал выстрел в лицо. Киллера разозлил этот надоедливый человек, не желавший умирать дольше остальных. Пуля прошла через глаз мужчины. Правую сторону его лица быстро залила кровь, левый глаз закатился, показывая белок.

– Это последний, здесь все, – бросил тот, что вошел первым. – Зачистить все комнаты. Я – здесь, вы – наверх. Ты – осматриваешь двор, – он привычно указал пальцем на одного из своих людей.

Они прошли по коридорам, открывая каждую дверь. Первый вошел на кухню. Он не сразу заметил забившуюся в угол Розы. Она сидела, тяжело дыша, прижимаясь спиной к закрытой двери чулана. В руках она сжимала чайник, замотанный в полотенце. Большие карие глаза Розы смотрели скорее с ненавистью, чем со страхом. Убийца, усмехнувшись этой несурзадной композиции, навел было пистолет на женщину, но что-то отвлекло его. Он удивленно обернулся и никого не увидел. Только опустив глаза, он понял, что маленький щенок пытается укунить его за ногу. Ларри грозно рычал и показывал маленькие зубы. Раньше он только слегка прикусывал ими руку хозяина, играя. Сейчас он не жалел себя и злобно, как взрослый, вцепился в ногу человека, но все же не мог причинить прочному ботинку врага никакого, даже малейшего вреда.

Мужчина усмехнулся снова и, откинув ногой щенка, выстрелил в него. Ларри забился и тонко заскулил. После второго выстрела затих.

Мартин не видел, что происходит за дверью, но слышал каждый звук. Он зажал рот ладонью, чтобы не закричать, вцепился в нее зубами и молча заплакал.

Убийца еще раз пнул ботинком щенка и повернулся к Розы. В этот момент она резко выплеснула ему в лицо кипяток из чайника.

– Убийца! Мерзавец! Животное! – От отчаяния и сознания неизбежности смерти Розы уже совсем не чувствовала страха.

Наемник закричал и сорвал маску с обожженного лица, искаженного злобой и болью. Слепленный, он начал палить наугад, не целясь. Розы схватила нож со стола, но, не в силах ударить им живого человека, так и замерла с ним в руке, вжавшись спиной в дверь чулана. Наконец убийце удалось справиться с болью, и он выстрелил Розы в голову, в сердце, в живот. Он решетил ее полное тело, продолжая нажимать на курок, даже когда израсходовал всю обойму. Розы медленно осела на пол, ее грузное тело придавило дверь чулана.

Убийца, еще больше взбешенный тем, что пули закончились, выхватил нож из ее ослабшей руки и с ненавистью еще и еще раз вонзил его в неподвижное тело, будто в податливое тесто, желая причинить боль уже мертвому человеку.

Мартин, прижавшийся к замочной скважине, не мог оторваться от этого ужасающего зрелища. Он видел и искаженное болью лицо убийцы, и без того изуродованное шрамом, видел, как боль на его лице сменилась выражением удовлетворения, когда он пуля за пулей всадил в тело Розы всю обойму. Мартин беззвучно плакал, сам того не замечая. К горлу подкатывала тошнота. Он был готов свалиться в обморок в этом тесном чулане, но держался из последних сил, ему казалось, что стоит только закрыть глаза, как он сразу же умрет. Ведь Ларри мертв, и Розы лежит мертвая здесь, совсем рядом. А мама и папа? Что сейчас с ними? Темнота подкрадывалась, застилая глаза, он уперся рукой в дверцу, чтобы удержаться, но рука соскользнула.

В это время киллер, отошедший к раковине, чтобы обмыть лицо холодной водой, настороженно повернулся. Он расслышал шум, донесшийся из-за двери. С отвращением взглянув на тело Розы, закрывшее проход, он перезарядил пистолет и трижды выстрелил в дверь, целясь в центр.

Мартин был бы мертв, если бы обморок не взял его в свои темные объятия. Закатив глаза, он осел на пол за секунду до того, как пули пробили три аккуратные дырки как раз там, куда он прижимался лбом, чтобы разглядеть происходящее в кухне.

Киллер прислушался. Ни стоны, ни шороха. Он пожал плечами и вышел из кухни. В коридоре его уже ждут остальные трое. Они уже прошли по всем комнатам, заглянули в спальни и детскую, еще несущие печать спокойствия и уюта, будто бы комнаты совсем другого дома. Оглядели шкафы, бесцеремонно выкидывая из них вещи, заглянули под столы и кровати. По пути в каждой из комнат наемники оставляли взрывные устройства, уже начавшие свой отсчет, мигая красными огоньками.

Киллер, так и не надевший маску, недовольно хмурился:

– Я так и не видел мальчишку. Он прячется где-то в доме.

– Значит, он жив. А это не то, что нам нужно, – ответил ему один из убийц.

Остальные пожимают плечами:

– Второй этаж зачищен. Время уже пошло. Командир, если он где-то в доме, то он в любом случае взлетит на воздух. Здесь в радиусе ста метров не останется ничего живого. Можно не беспокоиться.

Обожженное лицо командира скривилось:

– Ладно. Проконтролируйте нижний этаж – и уходим. Быстро! Быстро!

Люди в масках спешно устанавливают последние взрывные устройства в окровавленной гостиной, в кухне, где мешком лежит неподвижное тело Розы, в коридоре, где раскинули руки в запекшихся лужах крови Элен и Крис.

– На выход! – командует главный. И один за другим, никем не замеченные, убийцы покидают дом Стоунов и садятся в припаркованный через дорогу черный микроавтобус. Водитель жмет на газ и, отъехав на приличное расстояние, останавливается.

Киллеры уже сняли свои маски и утирают вспотевшие лица. Командир со шрамом через все лицо – тот самый лейтенант Робертсон, на его губе еще не зажила ссадина, оставленная Крисом Стоуном в этот же день. Она немного кровоточит, и Робертсон, пальцами стерев кровь, усмехается:

– А тебе совсем не больно, Стоун. Можем считать, что ты победил, – говорит он тихо, не обращая ни к кому в машине. Из кармана он достает пульт и нажимает на кнопку. – Только ты покойник, лекарь, как я и обещал.

Стекла в машине вздрагивают, и где-то позади вздымается огромный огненный всполох. На секунду даже наемники теряют слух. Один из них оборачивается к Робертсону:

– Не слишком ли все это для одного захудалого дома?

– Нам не нужны свидетели. Как и лишние вопросы, – тихо говорит лейтенант, и парень тут же опускает глаза и отворачивается, пробормотав извинения.

Другой наемник ободряюще хлопает парня по плечу:

– Они просто оказались не в том месте и не в то время. Не повезло.

– Значит, это их судьба, – тихо добавляет лейтенант.

Дом, в котором только что методично убивали людей, охнул от взрыва. Стены разлетелись на части, взрывная волна откинула в стороны целые блоки кирпичной кладки, балки, трубы, куски мебели. Тело Мартина отлетело вместе с куском стены, оно безжизненно раскинулось на горящей траве, вывернув шею, в неестественной позе. Так, будто брошенная на пол кукла, лежит мертвый человек, чье тело уже превратилось в просто сломанный предмет. Кир-

пичи, разломанные силой удара, засыпали его, сильнее изувечив. Тонкий прут, бывший частью каркаса для стены, пробил насквозь плечо Мартина, пригвоздив его к земле.

.....

Дождь все еще продолжался, и обломки здания шипели, дымились, но продолжали гореть, несмотря на сильные потоки воды. Через минуту появилась пожарная машина, полиция, к месту взрыва начали стекаться зеваки. Профессор Стоун шел с потоком людей, поднимая воротник над головой, тревожно всматриваясь в клубы дыма. Осознав, что что-то произошло неподалеку от особняка его сына, он ускорил шаг. Приближаясь к дому, он шел все быстрее, почти бежал, минуя одинаковые коттеджи и аккуратно выстриженные садовые изгороди. Его сердце колотилось как сумасшедшее, и в голове пульсировала только одна мысль: «Живы. Живы. Были бы живы».

Увидев обломки и черноту на том месте, где должен был возвышаться аккуратный особняк, где его семья должна была праздновать рождение его внука, где он был так счастлив и где были счастливы его дети, он остановился. Профессор стоял, опустив руки, не зная, что делать, что кричать, куда бежать. Он сел прямо на землю, запустив руки в свои седые волосы, затем встал и попытался пройти вглубь, раскидывая обломки.

– Крис! Мартин! Элен! Крис! Мартин! Элен! Кто-нибудь! Кто-нибудь живой!

Он кричал, а слезы катились по его щекам. В какой-то момент ноги перестали держать его, и он упал среди почерневших от огня развалин. Не в силах подняться, он закрыл глаза. Видимо, на какое-то время он потерял сознание. Профессор открыл глаза от того, что полицейский тряс его за плечо:

– Сэр! Сэр, вы в порядке? Вы не ранены?

– Мой сын. Моя семья. Здесь... – профессор мог выговорить только несколько слов, но полицейский все понял.

– Пройдемте, я помогу вам. Сейчас спасатели ищут живых людей, которых могло придавить обломками. Мы делаем все, что в наших силах. Сэр, идемте, вам нужно выпить горячего кофе, вам станет лучше. Как только что-то прояснится, мы дадим об этом знать.

Профессор добрал до пункта помощи, разбитого тут же на улице. В его руку кто-то сунул теплый бумажный стакан. Профессор и не подумал отпить из него. Кто-то накинул плед ему на плечи, но он даже не заметил этого. Подняв блуждающие глаза на уже не горящий, но дымящийся дом, на то, что когда-то было домом, он скривился, будто от боли, и застонал. Не помня себя, он снова быстро пошел к развалинам. Шатаясь, Стоун переходил от одной груды обломков к другой. Он выкрикивал имена родных и пытался отодвинуть бетонные глыбы. Выбившись из сил, он сел прямо на черную землю. Его трясло, как в припадке.

Спасатели вынесли уже больше десяти обугленных тел. Профессор видел пластиковые мешки, видел черные фигуры, потерявшие человеческий облик, униженные этой жестокой насильственной смертью. Он не смотрел на трупы, боясь узнать в них родных, боясь представить, что его дети могут быть так же сожжены заживо. Не желая верить этому, он с новыми силами, с яростью начинал раскапывать груды кирпичной крошки.

Дальше всего от дома отбросило кухонную пристройку. Обломки шкафов, погнутая дверь холодильника, развороченная плита оказались в одной куче, засыпанные битым кирпичом и кусками черепицы. Уже было потеряв надежду, один из спасателей берет за кусок, оставшийся от огромного кухонного шкафа, отодвигает его, и поисковая собака начинает нервно лаять, царапать лапами кирпичную крошку.

– Ты что-то нашел? – Спасатель начинает раскидывать куски кирпичей и внезапно натывается на детскую курточку, потемневшую от копоти и пыли. Он кричит о помощи и продолжает осторожно разбирать завал. Под грудой обломков лежит мальчик. Его тело изломано, кости раздроблены, на его изувеченное лицо страшно смотреть. Плечо навывлет пробито железным прутком, кровь залила его курточку, он без сознания, зрачки не реагируют на свет. Но на

шее слегка теплится пульс. Слабо, очень слабо его сердце толкает кровь по жилам, будто по привычке, нехотя.

– Срочно! Носилки! Он еще жив! – раздается где-то очень далеко от Мартина. Все, что он ощущает, – темнота. И слова доносятся до него словно через толщу черной воды. Будто он на дне пытается расслышать, что говорят там, высоко. Он слишком глубоко и не может разобрать слов, а еще ему нечеловечески захотелось спать. Закрыв глаза, он будто бы опускается еще глубже под воду. Крики становятся тише. Вокруг только теплая, глубокая тишина. И Мартина нет. Он – это мысль, прозвучавшая в тишине. Он – это попытка раскрыть глаза. Он – это поражение и уход в темноту. И больше ничего.

На крик спасателя бегут люди. Профессор встревожено поднимает голову, падая, спотыкаясь об обрушенные балки, бежит к группе людей, окруживших мальчика.

– Мартин! Мартин, ты слышишь?! Мартин! – Он старается кричать громче, чтобы внук услышал его, чтобы открыл глаза и ответил хоть слово. Он старается кричать, но голос срывается. Мартин лежит без движения. Его тело изувечено, лицо в крови. Его глаза закрыты.

– Он жив?! Скажите, что он жив! Я прошу вас, я умоляю! – профессор хватается проходящего врача за рукав и не отпускает, пока тот не останавливается.

– Вы родственник? Спокойно. Шанс есть. Необходима реанимация. Вы можете поехать с нами. Вы слышите?

Профессор стоит, будто оглушенный. Через мгновение он, будто бы собрав все физические и душевные резервы, молча кивает и спешит за доктором в машину скорой помощи.

Тело Мартина быстро перемещают на носилки. Мальчик не стонет, он не приходит в сознание. На его окровавленное лицо надевают кислородную маску. Дыхание есть. Шанс есть.

– Шанс есть. Шанс есть. – Профессор повторяет это как молитву. Все молитвы, которые он помнил, вылетели у него из головы. Но он знает, что Всевышний поймет его и так. – Шанс есть. Шанс есть, – повторяет он беззвучно.

После профессору никогда не удавалось припомнить и линейно выстроить события этих страшных дней. Память работала выборочно. В его сознании, будто вспышка, появлялись отрывочные образы, фразы, ситуации.

Вот он в машине скорой помощи, рядом окровавленное, очень худенькое тело Мартина. Профессору хочется взять его за руку, но даже пальцы мальчика перебиты. Профессор отдергивает руку и просто смотрит, смотрит ему в лицо. Что-то твердит, о чем-то молит. О чем? Не вспомнить.

А вот он уже в бесконечно длинном и гулком коридоре. Белые стены, белые полы, белые потолки. Эту стерильную белизну освещают то экономичные лампы, то солнце, выглядывающее из-за многоэтажных зданий. Профессор не замечает, когда ночь сменяется сереньким светом утра. Он неподвижно сидит на скамье в коридоре. Иногда, будто бы вспомнив о чем-то важном, он срывается с места и начинает ходить, отмеряя шагами длину коридора: от скамьи до окна, от окна до скамьи.

Он нервно поднимает голову, когда кто-то в санитарной форме проходит мимо. Провождает долгими взглядами: а вдруг этот человек видел Марти, а вдруг он знает что-то, чего не знает профессор. Но санитары и врачи спешат пройти мимо.

Четко освещается в памяти момент, когда к профессору подходит хирург. Он с уважением пожимает профессору руку и без лишних церемоний, глядя прямо в глаза, говорит, что организму мальчика нанесены несовместимые с жизнью травмы. Что его конечности раздроблены, что кровопотеря огромна, но это все не так страшно, как повреждения головного мозга. Повреждения крайне значительные, и вероятность того, что мальчик сможет прийти в себя, равна нулю. Сейчас он в коме, подключен к аппарату. Он не перенесет и малейшего хирургического вмешательства.

– Не нужно лишних надежд, со всем уважением, профессор, отнеситесь к этому здраво, я прошу вас об этом как человека науки, человека здравого смысла, – напоследок говорит ему врач.

Профессор кивает и, поправив белый халат, который медицинская сестра накинула ему на плечи, заходит в палату Мартина. Правда, вся твердость старика куда-то испаряется, когда он видит мальчика на больничной койке: серое лицо с множеством кровоподтеков, кислородная маска, трубки, зафиксированные руки и ноги.

Тогда ему вдруг стало тяжело дышать, он думал было, что упадет, но удержался. Помедлил, прислонившись спиной к стене, перед тем как подойти к внуку. А потом, взглянув в его худое лицо, почувствовал не только боль, бесконечное отчаяние, но и восхищение. Этот мальчик все еще жил, несмотря на то, что тело его было практически уничтожено. Дом, в котором он находился, разрушен и разбросан на тысячи кусочков, а этот хрупкий малыш все еще цепляется за жизнь. Тогда, да-да, именно тогда профессору пришло понимание величия жизни, величия данного им с Мартином шанса на выживание. Он не заметил этого тогда, он был потрясен. Но спустя годы он понял, что это восхищение, испытанное им перед мальчиком, лежащим на больничной койке, и было началом их новой жизни.

А дальше памятных всплесков совсем немного. Это оттого, что дни стали неразличимы. Они проносились быстро, пренебрегая сменой дня и ночи, соединившись в один длинный белый коридор, такой же, что был в реанимационном отделении. Состояние Мартина не менялось, он не приходил в себя, но силами современных аппаратов и какими-то его собственными внутренними силами жизнь удерживалась в его теле. А профессор день за днем проводил рядом с ним, лишь изредка заезжая домой, чтобы переодеться, принять душ, поспать пару часов на диване и снова вернуться к Марти.

Вглядываясь в лицо мальчика, профессор представлял, что дает ему часть своих сил. Он вспоминал их бесконечные разговоры, их мечты и рассуждения о будущем. Кажется, в один из таких моментов профессор позволил себе всерьез задуматься о продолжении своих исследований, того проекта, который ему пришлось оставить незавершенным. Правительство хотело, чтобы он создал сверхчеловека, человека, который был бы идеален физически, но при этом им не было важно его сознание. Им нужны были солдаты, готовые идти на смерть, бездумные полулюди-полуроботы. А Мартин – это совсем другое. Это был шанс. Тот самый, данный по молитве, которую он твердил в машине скорой, сам себя не помня.

Так жизнь профессора изменилась. Теперь у него появилась не призрачная надежда, теперь – и он знал это – все было в его руках.

Он не переставал рассчитывать и строить новые схемы, рисовать варианты протезов. Он был лучшим специалистом по трансплантологии и кибернетике, по его методу Крис недавно успешно пришил человеку новую механическую руку, но сейчас перед ним стояла задача в тысячи, в миллионы раз огромнее. Фактически Мартину нужно новое тело. Иногда профессору начинало казаться, что он взвалил на себя непосильный груз: глупо подвергать еле теплящуюся жизнь ребенка такой опасности без каких-либо гарантий на то, что все многочисленные операции пройдут успешно и Мартин останется живым в своем теле, собранном заново. Но каждый раз, глядя в лицо внука, все также неподвижное, только более бледное и истощенное, профессор убеждал себя, что он все решил правильно, ведь это существование – и есть медленная смерть. Он начал воспринимать кому Мартина как отсрочку, за время которой он должен успеть подготовиться, все рассчитать и сконструировать. Заходя в палату, он уже не чувствовал того отчаяния, оно сменилось благодарностью за еще один подаренный день.

Профессор хотел не просто вернуть Мартину жизнь, он хотел дать ему защиту, чтобы ни один человек больше не мог причинить ему боль. Как просто сломать, уничтожить слабое человеческое тело... Профессор с содроганием вспоминал сожженные тела родителей Мартина, которых он вынужден был опознавать. Он ни на секунду не допускал вероятности несчастного

случая, хотя полиция твердила ему об этом, и газеты трубили о невероятном по своей трагичности недоразумении, что-то об утечке газа или вроде того. Он пытался представить себе людей, которые могли так жестоко уничтожить чьи-то жизни, но не мог, не мог представить себе эти лица, эти глаза, эти руки. Еще страшнее для него было то, что эти убийцы спокойно продолжают жить. Он садятся в машину или спускаются в метро, они покупают газету, они едят и пьют, разговаривают, отбрасывая волосы с лица, возможно, у них есть свои семьи, и перед сном человек, убивавший Криса, целует в лоб своего сына.

Но теперь все изменится. Новое тело Мартина будет прочнее, сильнее, быстрее тела обычного человека. Его тело будет сильнее огня и пуль, оно сможет выдержать нечеловеческие нагрузки. Он всегда, всегда будет в безопасности.

За несколько недель профессор Стоун осунулся и, казалось, постарел еще лет на десять. Он почти не спал, забывал поесть, все чертил что-то в своем толстом блокноте, писал формулы, понятные ему одному. Из клиники шел прямо в лабораторию и ночь проводил за компьютером, создавая прототип будущего совершенного организма, а утром снова возвращался в клинику, чтобы увидеть Мартина. Иногда он засыпал в кресле рядом с кроватью внука, но всегда просыпался с криком: кошмар о том, что пока он спал, слабый организм Мартина не выдержал нагрузок и мальчик умер, преследовал его еще много лет, хотя и стал со временем менее ярким, менее реалистичным.

– Поймите, профессор, вы бессмысленно мучаете себя и его. Я отношусь к вам с огромным уважением, но прошу вас как коллегу, как профессионала, возьмите себя в руки, оцените здраво, на что вы обрекаете внука, на что вы обрекаете себя. Даже если чудо произойдет и мальчик выйдет из комы, он не сможет даже пошевелить рукой, да что там рукой – он вряд ли будет разговаривать, вряд ли будет узнавать вас, даже просто понимать речь, – настойчиво, глуховатым голосом говорил ему скороговоркой лечащий врач Мартина, глядя в пол.

– Да, да... Ну, конечно, – рассеянно отвечал профессор, не отрываясь от расчетов.

– Профессор!

Старый профессор отрывался от блокнота и смотрел на собеседника несколько удивленно. Его глаза будто бы были подернуты пленкой, застилающей от него весь внешний мир.

– Есть мнение, что мальчика нужно отключить от аппарата, – еще более глухо, не глядя в глаза профессору, проговорил доктор. – Мне очень жаль.

– Мне тоже, – спокойно отвечал профессор. – Но у меня другая точка зрения на этот счет.

– Но... – доктор хотел что-то возразить, но натолкнулся на похолодевший взгляд Стоуна и умолк, оборвав себя на полуслове.

– Не волнуйтесь доктор, скоро я заберу мальчика в клинику моего сына. И с ваших плеч упадет этот груз ответственности. – Профессор смягчился. – Я понимаю, вам кажется невозможным его восстановление, но я верю, что если у нас есть хотя бы один шанс, его нельзя упустить. Я должен сделать все возможное, понимаете?

.....

За эти дни он повидал столько же недоуменно вытянувшихся, сколько скорбных и сочувствующих лиц. Он улыбнулся, вспомнив, как вошел в клинику сына. После трагедии все сотрудники уволились, и огромное пространство, опустев, казалось устрашающе заброшенным. На полу валялись оброненные и забытые кем-то бумаги. Гулко отдавались шаги, их звук объединялся с потрескиванием мигающей лампочки на потолке. Он прошел по этажам, заглядывая в палаты, которые давно не убирали, открыл дверь лаборатории и долго искал выключатель, а когда наконец неестественно ярко осветилось нераспакованное и неподключенное оборудование, покрывшееся пылью, присел на вертящийся стул и закрыл руками глаза. Усталость навалилась, и ему показалось, что он не в силах даже двинуть пальцем, не то что привести в рабочее состояние лабораторию, в кратчайшие сроки провести ряд сложнейших операций, испытаний, новых операций...

Он очнулся от легкого прикосновения. Кто-то робко тряс его за плечо.

– Профессор! Профессор Стоун! Профессор! – Медсестра Мэри смотрела встревожено. Никогда она не видела профессора Стоуна таким.

– Мэри? Что вы здесь делаете? Я думал, клиника совершенно пуста.

– Я и Рон, ваш водитель, помните? Мы с Роном продолжаем дежурить здесь, ведь все сбежали, едва только узнав о... о... вы понимаете меня... Но как можно оставить все это? Здесь аппаратура, результаты исследований... И я думала, что вы можете прийти сюда... Понимаете, я звонила вам, я хотела предложить свою помощь, любую, любую помощь, но вас так трудно найти, вы, кажется, совсем перестали бывать дома, проверять автоответчик... Профессор, я не знаю, что сказать. Как вы? – Она совсем сбилась и испуганно подняла глаза на профессора.

Тот улыбался. Впервые за долгое время он почувствовал себя не одиноким.

– Мэри, дорогая Мэри, я лучше, чем может показаться. Моя жизнь продолжается. Продолжается и жизнь Мартина, хотя пока не в полную силу. Но мы с вами это изменим, верно? Вы ведь поможете мне, дорогая моя Мэри? И Рон? Его помощь мне понадобится!

– Конечно, всегда готов помочь, профессор. – В комнату как раз вошел водитель Ронни. Он встал, широко расставив ноги, и почему-то начал закатывать рукав старенькой рубашки, будто желая показать, что уже сейчас готов взяться за любое дело.

Профессор рассмеялся. Впервые за эти недели он смеялся и чувствовал, что что-то внутри него освобождается, как будто все это время грудь сжимал невидимый обруч, а сейчас он разжался, и профессор смог сделать вдох полной грудью. Глядя на профессора, рассмеялась и Мэри, а Рон удивленно смотрел на это абсолютно беспричинное веселье и неловко одергивал рубашку, поправлял штаны, переводил вопросительный взгляд с профессора на Мэри и обратно. Наконец он усмехнулся, махнул рукой и тоже залился хохотом.

– Ну что ж, друзья, – выдохнул профессор, отсмеявшись, – нам предстоит большая работа, и я очень рад, что вы здесь, со мной. Я не знаю, что делал бы, окажись я здесь в одиночку. Поскольку весь обслуживающий персонал, а также врачи и санитары покинули стены этой клиники, я считаю себя вправе повысить вас в должностях. Вы не против, коллеги?

Рон и Мэри со смехом отрицательно покачали головами.

– Что ж делать, если карьера идет вверх, – Рон оттянул подтяжки и громко шелкнул ими о живот. – Это кто же я теперь? Старший водитель?

Мэри и профессор Стоун снова рассмеялись.

– Это абсолютно неважно. Главное, что я прослежу, чтобы ваша работа была оплачена, и оплачена хорошо. Я ведь понимаю, что вам нужно кормить семьи, которые давно уже ждут вас в ваших уютных домах. А ведь уже почти ночь? Давайте, друзья, по домам. Завтра к вечеру я попрошу вас подготовить лабораторию и операционную. А еще нам понадобится просторная палата. Завтра вечером мы переводим сюда самого важного из пациентов, и нужно быть готовыми.

Весь следующий день профессор вместе с Роном завозили новое оборудование, подключали аппараты и устанавливали компьютерные программы. Мэри мыла полы и проводила дезинфекцию палаты, операционной, готовила все к появлению Мартина. Позже она робко постучала в кабинет профессора. Тот сидел, совсем как прежде, за своим старым тяжелым столом, перебирая научные журналы, вырезки и раскладывая нужные на столе, отмечая что-то в статьях и в своем вечном блокноте.

– Кажется, все готово, профессор, мы можем уходить? – тихо спросила Мэри, жалея, что приходится тревожить его.

– Да, да, конечно, Мэри. Завтра нас ждет трудный день. Да что уж, нас ждет очень тяжелый год, но это все не может напугать нас, верно?

– Конечно, профессор, – спокойно улынулась женщина. – До завтра. И прошу вас, поспите. Иначе завтра день станет куда тяжелее.

А потом наступили те самые тяжелые дни. Которые оказались куда легче, чем дни, проведенные в клинике рядом с неподвижным, безжизненным телом Мартина, проведенные в бездействии. Работа спасала, давала надежду и новые силы. Мартин лежал на специально оборудованной койке в лаборатории, к каждому сантиметру его тела был подсоединен тонкий провод. Аппарат так же качал воздух, искусственно поддерживая в Мартине жизнь, капельница отмеряла нужное количество препарата, питающего почти разрушенный организм. В соседней комнате, отделенной от импровизированной палаты Мартина огромным стеклом, за компьютером работал профессор. Он сравнивал показания датчиков, заносил их в специальную программу. На множестве мониторов двигались вверх ровные линии цифр и знаков, они быстро менялись, и казалось, что этим очередям нет и не будет конца. Но профессор, устало сняв очки, нажал что-то на клавиатуре – и цифры понеслись с огромной скоростью, а затем исчезли, и на всех экранах высветилась общая картина. Это была модель человеческого организма. Профессор, не глядя на клавиатуру, набрал команду, и красным замигало практически все тело. В правом верхнем углу экрана одна за другой появлялись надписи: «кость раздроблена, восстановлению не подлежит», «легкие прекратили самостоятельное функционирование», «сустав разрушен, восстановлению не подлежит», «мозг частично поражен», «работа сердца нарушена». Крупно мигает надпись: «Восемьдесят процентов органов перестали функционировать». Красным обозначилось все тело, небольшие части, окрашенные в зеленый, остались в области головы и сердца.

– Ну что ж, мой мальчик, это мы знали, знали... – профессор говорит себе под нос, продолжая вбивать новые формулы. – Но ведь мы уверены в том, что делаем, верно? Мы с тобой выберемся, иначе нам нельзя.

Было еще много всего, прежде чем наступило утро перед первой серьезной операцией. Были долгие звонки и переговоры по поводу нового оборудования. Были непростые поиски. Были деловые встречи. По его чертежам были изготовлены уникальные конструкции и детали. Профессор вспомнил, как молодой предприниматель, решивший начать свой бизнес в медицинской сфере, пожимал его руку в знак заключения сделки и вдруг спросил, будто просто случайно озвучил свои мысли:

– Профессор мы подготовили все по вашему списку, только скажите мне, для чего все это? У вас новые идеи или вы решили начать войну со спецслужбами всего мира?

– Это пока не входит в мои планы, но, возможно, в будущем, – задумчиво улыбнулся он.

А потом потянулись месяцы исследований. Месяцы бессонных ночей. Каждый раз после нового опыта профессор с нетерпением ждал результатов, а когда они оказывались отрицательными, тут же принимался за новые расчеты, вводил новый препарат в кровь подопытной мыши и снова ждал, даже не надеясь заснуть. Ему казалось, что он уперся в толстую бетонную стену и, не понимая этого, продолжает упорно идти вперед, не сдвигая ее при этом ни на сантиметр. Он чувствовал, что должен взглянуть на свою задачу под иным ракурсом. Он вспомнил то ощущение, когда все вдруг оказывается невероятно простым, когда формула, будто очистившись от ненужной шелухи, четко вырисовывается в сознании. В ней нет ничего лишнего, она идеальна.

– Идеальна, – прошептал профессор. – Все не то. Все лишнее.

Он резким движением сгреб свои записи в охапку и сунул их в мусорное ведро.

– Забудем, забудем все эти тупиковые теории, начнем сначала, это наш единственный выход, мой мальчик, – тихо говорил он, глядя через стекло на худую фигурку Мартина.

Еще несколько дней профессор заново пересчитывал все показания, придумав совершенно другую систему. Он чувствовал, что ближе подобрался к разгадке, и совершенно потерял покой. Голова гудела. Он чувствовал, что так напряженно не работал никогда, он не переставал думать ни на минуту, даже засыпая стоя или сидя, он видел преображающиеся формулы. И внезапно он ощутил ту долгожданную пустоту, граничащую с максимальной насыщенностью. Он понял все. Закричав, он кинулся к компьютеру и торопливо ввел новую формулу.

– Как просто! Как очевидно и просто! – повторял он, не сводя глаз с экрана.

На экране появилась вращающаяся структура ДНК, а в нее вплелась новая молекула.

Профессор устало откинулся на кресле и счастливо рассмеялся, откинув голову.

– Мэри! Мэри! – закричал он.

– Что-то случилось? – Мэри торопливо вошла в лабораторию. Она никогда еще не слышала, чтобы профессор кричал.

– Мэри, дорогая моя Мэри! – профессор, улыбаясь, повернулся к ней. – Завтра состоится наша долгожданная операция, Мэри. Пожалуйста, будь готова. А сейчас иди, мне нужно еще поработать.

Он начал программировать. Модель ДНК, вращавшаяся на экране, видоизменялась.

– Ты будешь сильным, ты будешь жить, мой мальчик, – говорил профессор, вписывая новые и новые элементы кода. – Никто не сможет причинить тебе зла, причинить тебе боль. Ты – все, что у меня осталось, ты – моя семья, ты – моя жизнь. И тебя у меня уже никто не отнимет.

Он запрограммировал всю ночь, определяя физические данные нового тела Мартина. Скорость, реакция, слух, зрение – профессор создал гениальное по силе и мощи создание, теперь его нужно было соединить с сознанием Мартина, и тогда мальчик будет спасен, он навсегда будет под защитой. Профессор закончил и перезагрузил компьютер. Упал на твердую кушетку и тут же провалился в сон.

Его разбудила Мэри.

– Профессор, профессор! К операции все готово. Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, все прекрасно. Мне нужно немного освежиться и прийти в себя. Я приму душ и буду готов приступить к делу.

Мэри задумчиво окинула взглядом мониторы, занимающие всю стену лаборатории. Фигурка человека с разных ракурсов приседала, отталкивалась ногами и подлетала вверх, бежала, и в углу экрана цифры, показывающие скорость, еле успевали сменять друг друга.

– Профессор... – Мэри продолжала задумчиво смотреть на движения будущего тела Мартина. – Вам не страшно?

Она резко обернулась к профессору и заторопилась сгладить свой слишком прямой вопрос:

– Вы ведь понимаете, о чем я? Имеем ли мы моральное право? Неизвестно, как пройдет операция, неизвестно, какие будут последствия, приживутся ли искусственные органы, а если приживутся, неизвестно, как они будут взаимодействовать и функционировать... Что станет с его психикой? Я бы сошла с ума, честное слово, я бы сошла с ума! – Мэри качала головой, глядя через стекло на Мартина. Профессор всмотрелся в отражение ее лица, поймал ее взгляд и улыбнулся.

– Конечно, Мэри. Конечно, мне страшно. Я живу в страхе последние полгода и уже немного даже привык к этому ощущению ледяной руки, сжимающей мое горло. У вас такое бывает? Пренеприятное чувство. Мне никогда не было так страшно за всю мою жизнь. Но разве у меня есть выбор? Разве может стать хуже, чем сейчас? Я каждый день благодарю Бога, Мэри, не смотрите так, мне есть за что его благодарить. Он не оставляет мне выбора, он лишает меня этих бессмысленных мук. Я четко знаю, что должен сделать, потому что мне больше ничего не остается, и я благодарен за это. Я здравомыслящий человек, Мэри, и я очень люблю своего внука. Если ситуация обострится, если Мартину станет хуже, я не посмею играть с его жизнью, я сам отключу аппарат. Но сейчас, когда единственный шанс оказался в наших руках, мы не должны думать о плохом, верно, Мэри? Мы просто делаем то, что должны, и это единственный из возможных путей.

– Да, профессор, – кивнула Мэри, но тут же подняла голову и серьезно спросила: – Но это очень сложная операция. Вы ведь кибернетик, а не профессиональный хирург. Сможете ли

вы провести ее самостоятельно? Может быть, стоило позвать какого-то специалиста? Я спрашиваю, потому что мне безразличны вы и Мартин, не обижайтесь на меня за эту назойливость. – Мэри снова потупила взгляд.

– Мы справимся... За свою долгую жизнь мне приходилось не раз выступать в роли хирурга... И потом, я не хочу, чтобы об этой операции знали посторонние... Ни один врач не захочет потерять свою лицензию. Не волнуйтесь, Мэри, тело человека таит в себе куда больше тайн и возможностей, чем мы можем догадываться. И спасибо вам. – Он по-мальчишески тряхнул головой: – Ну что же? Будем готовиться? – и легко вскочил с кушетки.

Спустя годы профессор с удивлением вспоминал, что не ощущал тогда, во время первой и важнейшей операции, ход времени. Он помнил, что тщательно вымыл руки и надел перчатки, когда стрелки часов показывали десять утра, а когда вышел из операционной, вытирая пот со лба, ощущая ломоту во всем теле, с нервным чувством неопределенности, стрелки были на том же месте. «Как? Так быстро?» – пронеслось у него в голове. Он не мог предположить, что операция длилась двенадцать часов, и стрелки, обойдя циферблат, вернулись на исходную.

Тогда профессор жил в некоем параллельном мире, где ничто не имело значения, только показатели состояния больного. Пульс становился чуть чаще, чуть реже, усиливалось и падало внутричерепное давление, но все изменения оставались незначительными. Мартин был более или менее стабилен, и это радовало профессора безмерно.

– Вы понимаете, вы понимаете, что происходит? – Он взял Мэри за руки. – Мы даем его организму невероятные нагрузки, а наш мальчик принимает их как должное, он справляется с ними, и органы приживаются. Это невероятно. Я знал, что мой внук невероятно сильный, но это поразительно!

Первая операция была так страшна и важна, потому что никто не знал, что за ней последует, была возможна остановка сердца, смерть мозга. Когда же она была завершена, а состояние Мартина оставалось стабильным, уверенность возросла. Но легче от этого стало совсем не намного. Череда операций, недели на восстановление и новые операции...

– Господи, дай ему сил. Сколько боли может вынести один ребенок, сколько страданий... – тихо говорила Мэри, меняя повязки, дезинфицируя новые швы на теле Мартина.

– Иногда я думаю, чувствует ли он что-нибудь? Что происходит там, в той части его мозга, что осталась неповрежденной? Может, он что-то понимает, но не может сказать. А что страшнее этого? Даже и подумать о таком жутко, – взволнованно шептал Рон. Он каждый день заходил в палату Мартина, садился в кресло, поставленное у изголовья, и внимательно смотрел на лицо мальчика. Ему казалось, что если Мартин попытается дать какой-то сигнал, необходимо, чтобы кто-то был рядом.

– Держись, парень. Я приду завтра, а ты пока отдохни. Если захочешь что-то сказать – я не подведу. Ты, главное, не сдавайся, слышишь? – Рон доверительно наклонился к Мартину. – Я с тобой.

Он немного стеснялся этого своего рвения, и когда с ним в палате оказывалась Мэри или профессор, он старался вести себя как можно более безразлично. Но, уходя, непременно незаметно дотрагивался до неподвижной руки мальчика.

Мартина буквально собирали по частям. Сконструированные профессором роботы-манипуляторы создавали из новейших материалов новый скелет, отливали тонкие детали, которые должны были позволить новому искусственному телу двигаться пластично.

Раз за разом профессор переписывал программу сборки, чтобы сделать новое тело внука идеальным.

– Да у вас тут настоящее производство! – выдохнул Рон, нечаянно заглянувший в лабораторию.

Лаборатория действительно была наполнена трудящимися роботами. Новые протезы проверялись на прочность, управляемость, мощь. На стендах пробные фрагменты рук, ног сги-

бались, хватали воздух, тянулись вперед. Потом, когда эти элементы были доведены до совершенства, профессор принялся за сборку – и новые, новые, новые тесты.

Он моделировал ситуации, в которые может попасть человек: автомобильная катастрофа, падение с высоты, выстрел или ножевое ранение. И изготовленная секунду назад модель летела с высоты на бетонный пол, поскрипывала под прессом, отражала пули. Профессор остановился, только когда осознал, что на скелетном каркасе и подключенных к нему протезах уже не остается даже царапин и вмятин, а все механизмы работают безупречно.

Он разработал дополнительные функции для тела Мартина. Из фаланг пальцев механической руки при определенном сигнале выдвигались тонкие и острые шипы.

– Покрытие, которое я разработал уже давно, заменяет и превосходит по прочности и способности к регенерации человеческую кожу, – спокойно размышлял профессор. – Даже если шипы пронзят оболочку, рана не причинит Мартину ни малейшего беспокойства, она заживет в ту же секунду, он даже не успеет почувствовать боли.

Зрение и слух Мартина доставили профессору больше всего хлопот. Тончайшие микро-чипы, предназначенные для передачи сигналов в мозг, были готовы только через месяц активной работы. Миниатюрная камера была встроена в искусственное глазное яблоко, практически неотличимое от настоящего, а тончайшие мембраны и усилители были предназначены для модификации слуховых данных.

Тестируя зрение, профессор доводил до совершенства цветопередачу, возможности увеличения и ночного функционирования. На огромном экране он видел, как при желании Мартин сможет различать бактерии в стакане с водой и приближать предметы, находящиеся за сотни километров от него. Настраивая слуховые датчики, он не шел на компромисс и доводил до совершенства восприятие на всех частотах. Мартин сможет слышать, как переговариваются киты под водой, сможет определить точное место источника звука, как бы далеко он ни находился, а главное – он сможет отделить значительное от общего звукового фона.

Колонки, передающие звук, проходящий через слуховые мембраны, взорвались неразберихой звуков. Профессор, поморщившись, нажал несколько кнопок и услышал уже более стройный шум улицы; нажав еще одну комбинацию, он улыбнулся: ему стал отчетливо слышен голос девушки, которая, проходя под окнами клиники, что-то сердито говорила в трубку, и неуверенные ответы юноши, звучащие в ответ.

– Кажется, получилось, – проговорил он. – Но не будем, не будем вторгаться в личную жизнь граждан. – Он улыбнулся и отключил прием сигнала.

«Боже, как многому придется ему научиться», – думал про себя профессор.

Он начинал опасаться, что, оказавшись запертым в этом сверхтеле, Мартин не выдержит психологического давления. И уж точно он никогда не сможет быть прежним. Пережив смерть, ему предстояло родиться заново и заново освоить тело. Причем каждый навык, каждое движение, каждый шаг к нормальной жизни ему предстоит проделывать, преодолевая боль. Захочет ли он жить так? Нужно, чтобы захотел. Не может не захотеть. Это шанс, который дан ему свыше, и отказаться от него, не использовать, когда столько уже было пройдено, невозможно.

Операция, операция, операция... Сколько их было сделано за этот год? Пятьдесят? Больше? Меньше? Профессор сбился со счета. Он знал, что восстановление Мартина идет по запланированной программе. Он заменил органы, которые перестали функционировать. Долго и мучительно заживали раны после ампутации недееспособных рук и ног. Тогда они боялись, что он не выдержит. Сколько переливаний крови было сделано тогда! Но Мартин справился, и они смогли приступить к приживлению новых конечностей. Было странно видеть эти невероятные сильные механизмы, соединенные с человеческим телом, неподвижными, безвольно лежащими на больничной койке. Новый глаз, вживленный вместо правого с сожженной роговицей, мог показать ему звезды, кратеры луны, движения рыб под толщей воды. По всем данным глазной аппарат работал безупречно, но Мартин не приходил в сознание. Он мог услышать

рост травы, но его мозг не реагировал ни на какие звуки. О том, что он жив, говорили показания медицинских аппаратов – четко вырисовывались неровные волны пульса. Новые легкие функционировали нормально, и аппарат вентиляции уже был не нужен, Мартин дышал сам.

– Это ничего, – пытался успокоить себя профессор, – он справится. Он справился уже со стольким, что будет просто нелепо умереть, не сделав еще пары шагов до финишной ленты. Скоро органы станут функционировать активнее, и мозг отзовется на постоянно поступающие сигналы. Сейчас нам нужен сильный толчок. Нужно помочь Марти проснуться, каким-то образом нужно сделать так, чтобы его сознание, затерявшееся в темноте, захотело пробиться наверх, к свету. Но как?

.....

... Яркий свет бил в окна машины, слепил глаза. Это лето выдалось сухим и изматывающе жарким. В полдень солнце достигало высочайшей точки своего дневного пути и, будто бы само изнуренное жарой, ненадолго застывало в небе. Огромное и белое, оно нависало над городом, готовясь сделать усилие, перекатиться через эту небесную вершину и медленно поползти вниз, к закату, становясь розовее и мягче, ласково трогая крыши домов и кроны деревьев на прощание.

Но сейчас солнце было еще на середине своего пути – слепило, иссушало, раскаляло. Мелани прикрыла глаза ладонью и со вздохом подумала о сломанном кондиционере в их старенькой машине. Мысли в голове ворочались еле-еле, она будто бы перетаскивала с места на место тяжелые и пыльные мешки. На секунду ее укололо беспокойство – они проезжали полуразрушенный дом Стоунов. Мел убрала руку от лица и посмотрела за окно: там, выгибая шеи, будто экзотические животные, экскаватор и бульдозер доламывали останки стен и сгребали куски кирпичей, черепицы, мебели, готовили мусор к вывозу. Теперь это мусор...

Мел вспомнила лицо Мартина. Припухшая губа, наливающийся синяк на скуле, смущенно и при этом радостно приподнятые брови. «Мел, ты придешь ко мне на день рождения? – Я спрошу у мамы». Как она была счастлива в ту секунду! И как боялась выдать свою радость, остаться совершенно безоружной. И как потом решилась. И корила себя за свою решительность, а потом успокаивала. Хорошо, что решилась тогда... Успела.

В зеркало заднего вида Саманта наблюдала за отражением дочери, видела, как потухли глаза, как строже очертилась линия губ, будто бы тень легла на лицо.

– Мел, мне очень жаль. Мартин и его родители... Все это ужасно. Это ужасное несчастье... – Она умолкла, не зная, что еще сказать.

Мелани повернула лицо к матери.

– Мам, я знаю, что Мартин сейчас в клинике его отца. Ты можешь отвезти меня туда? Вдруг я могу увидеть его, вдруг я могу как-то помочь? – Мел смотрит серьезно, в ее глазах не детская игра в траур, это взрослое горе.

– Конечно, я отвезу тебя. Не знаю, можно ли к нему сейчас... Но мы хотя бы попробуем, да? – Саманта ободряюще улыбается и выкручивает руль, разворачивая машину.

– Спасибо. – Ответная улыбка, та, детская, редкая в последнее время, которую Саманта так любит.

Они минуют особняки и выезжают на широкую улицу, где через каждые десять метров очередной плакат напоминает, что «голосуя за Хайдена, ты голосуешь за правду». Мэр серьезно смотрит с растяжек, прижав жирный подбородок к тугому белому воротнику.

– Как тебе этот, Мел? Хорош? – Саманта с усмешкой кивает в сторону очередного плаката.

– Противный. Да какая разница?

Она отворачивается. Ей противно не только его звериное лицо, его полумертвый взгляд, ей противны все эти приближенные к власти люди. Что они могут обещать, если в их городе может произойти то, что произошло с Марти и его семьей? Как они смеют говорить о чем-

то? Фотографироваться в дорогих пиджаках и тесных отглаженных сорочках, когда Мартин прикован к кровати, когда родители и друзья его семьи мертвы? Даже дети не верят в то, что это несчастный случай. Не стоит и думать об этом мэре и ему подобных. Они того не стоят.

На территорию клиники их машину пропустил вежливый охранник. Светлое современное здание, окруженное зеленью, не казалось чем-то страшным, хранящим боль. Мужчина средних лет, насвистывая, подметал парковую дорожку, ведущую ко входу.

– Не волнуйся, я дальше сама. Тебе ведь еще забирать мальчишек. – Мел быстро чмокнула маму в щеку и открыла дверь.

Саманта не успела ответить. Ее дочь как всегда была права. Она запоздало крикнула в открытое окно:

– Будь осторожна, не пропусти свой автобус! – И сразу почувствовала себя немного беспомощной, потому что думала просто: «Будь осторожна».

Мелани быстро пошла ко входу. Она немного робела и не хотела давать неуверенности преимуществу: в таких случаях нужно скорее действовать, иначе робость наберет силу и возьмет верх. Она уже была готова взбежать по лестнице и решительно открыть дверь, как споткнулась, увидев на газоне согнутого в три погибели человека в белом халате. Странный доктор опустился на колени, голову, насколько это было возможно, приблизил к земле, сосредоточенно рассматривая что-то, оказавшись в нелепой и какой-то детской позе.

– Вы что-то потеряли? – Мел сделала шаг к мужчине. Тот рассеянно повернул голову к девочке и поправил сползшие очки.

– Да нет. Вот, наблюдаю, – он смущенно улыбнулся. – Муравей тащил соломинку, а потом остановился, положил ее. Наверное, устал. И тут же подбежал другой муравей, решил помочь товарищу. Теперь они несут эту соломинку вдвоем. Интересно, да? – Он доверчиво, совсем по-детски посмотрел на Мелани. И она не смогла сдержать улыбку.

– Правда, интересно. Мартин говорил, что у муравьев коллективный разум.

– Верно, верно, – профессор закивал и начал подниматься с колен. Его рассеянность улетучилась, и теперь он серьезно рассматривал Мелани.

– А можно ли узнать ваше имя, юная леди? – спросил он галантно и немного шутливо.

– Я Мелани. Мы с Мартином учимся вместе, в одном классе, я сижу за соседней партой, той, что ближе к окну. А вы его дедушка, верно? Профессор кибернетики. Он мне о вас рассказывал. Скажите, можно увидеть его? Я не буду мешать, я буду совсем тихой. – Мелани выпалила все это одним махом и замолчала, чувствуя, что краснеет. Ну почему она такая несдержанная?

Профессор Стоун быстро закивал в ответ:

– Да, да, конечно, пойдемте. Зачем я буду мешать вам? Я очень рад, что у Мартина есть такой друг. Настоящий друг.

Он повел девочку ко входу, стараясь не делать слишком больших шагов. Несмотря на его усилия, Мелани все равно почти бежала, чтобы поспевать за ним. Сердце колотилось у горла, то ли от спешки, то ли от волнения. Сейчас, совсем скоро она увидит Мартина. Интересно, как он выглядит после всего случившегося? Наверное, он очень худой. А что она скажет ему? Ни в коем случае не упоминать родителей. Нужно будет рассказать о школе, ведь он так много пропустил, а скоро начнется новый учебный год. Вместе они быстро все нагонят! Скорее бы увидеть, как он улыбается...

Она не заметила, как, миновав белоснежные коридоры, они с профессором оказались перед дверью в палату. Профессор помедлил немного и открыл дверь, пропуская девочку вперед.

– Не бойся. Он чувствует себя лучше, чем может показаться. – Слова профессора едва донесли до Мелани, будто она была где-то очень далеко. Она увидела Мартина. Осунувшееся лицо, бесстрастное, с закрытыми глазами, с торчащей изо рта трубкой. Безжизненная рука на

покрывале повернулась кверху ладонью, беззащитно обнажив синеву вен и иголку капельницы. Мелани испуганно смотрела на пустоты под одеялом в тех местах, где должна была покоиться вторая рука, ноги Мартина. Она рассуждала, о чем с ним поговорить! Боже, как глупо, как нелепо, как страшно! В носу защипало, и глаза налились горячими слезами, чуть качнуть головой – и они прольются, потекут по щекам.

– Дедушка, он будет ходить? – Пытаясь оставаться взрослой и сильной, а не расплакаться в голос, сев на пол прямо здесь, в палате, она забыла про вежливость и назвала профессора этим домашним словом, так идущим ему.

– Ну что ты, что ты! Конечно, будет! Конечно, и ничего страшного здесь нет. Посмотри, какие у него теперь есть протезы. Получше твоих настоящих рук и ног. Будет и ходить, и бегать, и танцевать. Все будет хорошо, выше нос, Мелани! – Он аккуратно приподнял ее подбородок.

Мелани улыбнулась его словам и чуть сердито стерла со щек слезы.

– Я буду помогать! Можно, дедушка? За Мартином сейчас нужно ухаживать, а кто же должен это делать, как не друг? Я справлюсь, обещаю!

Профессор неуверенно посмотрел на девочку.

– А как же школа? И что скажут твои родители?

– Я буду приходить после уроков. А мама разрешит, я уверена! – Глаза Мелани засияли, она уже знала, что профессор согласится, что она сможет помогать Мартину выздоравливать, что уже завтра она придет сюда снова.

– Ну, хорошо, Мелани. Я не возражаю, если это не будет отвлекать тебя от учебы и домашних дел. А сейчас надевай халат, ты в больничном помещении, а Мартину нужно принимать лекарство. – Профессор говорил это, озабоченно набирая в шприц синеватую жидкость из ампулы. Мелани серьезно следила за каждым его жестом. Она не замечала, что халат ей велик, ей было не страшно смотреть, как игла входит в светлую кожу Марти, она уже полностью погрузилась в эту серьезную и деловитую атмосферу больницы, где каждая минута – для этого тонкого мальчика на взбитых подушках, а глупым вздохам и страхам просто нет места.

Такие и потянулись дни – дни для Мартина. Летом Мелани вставала утром, делала домашние дела и бежала на автобусную остановку, чтобы скорее отправиться в клинику. Братья на лето остались с бабушкой, и она была совсем свободна. Когда началась учеба, стало сложнее, но она все так же бодро открывала дверь в палату Марти и надевала белый халат, только теперь уже не с раннего утра, а после обеда. Она оставалась в клинике до вечера, помогая медсестре, профессору, просто разговаривая с Мартином.

Сегодня, как обычно, она вошла в палату, будто освещая ее – солнце так играло в ее волосах, отражалось в глазах, что она сама казалась домашним солнцем, по крайней мере солнечным зайчиком. Она проверила данные аппаратов (этому она научилась уже давно) – стабильно. Она привычно уселась с ногами на кушетку рядом с кроватью Марти и принялась рассказывать о прошедшем дне. Она рассказывала, помогая себе жестами и движениями бровей в наиболее эмоциональных моментах, затем достала книгу и стала читать. Она старалась отгонять от себя усталость, но голова сама клонилась к валику кушетки.

«На три минуты», – подумала Мелани и сдалась.

Но и во сне она видела эту палату, видела Мартина, лежащего неподвижно, себя, сжимающую его руку. Мелани настолько погрузилась в эту неподвижную жизнь, что сны ее превратились в последовательное переживание уже пережитого, будто видеозапись, поставленная на постоянный повтор. Как было страшно, когда у Марти случился тот приступ... Она заново видела себя рядом с его койкой, слышала свой голос.

– И мистер Сандерс, Том Сандерс, помнишь его? Он открыл секцию карате. Как только ты окрепнешь, пойдем туда вместе, он сказал, что возьмет меня, если я захочу. О тебе спрашивают учителя. А еще я сегодня читала книжку про НЛЮ, мне кажется, тебе бы понравилось.

Только я не понимаю, почему они не хотят с нами общаться? Просыпайся скорее, Марти. Я бы так хотела поговорить с тобой обо всем этом.

И тогда она взяла его за руку. Она и раньше так делала, когда проверяла пульс, когда меняла капельницу, но почему-то ей было неловко брать Марти за руку просто так, ей это казалось чересчур сентиментальным. Но сейчас она забылась и взяла его за руку, как если бы они шли рядом, как прежде, будто ничего и не было. И тут тело Мартина неестественно выгнулось, откинулась голова, плечи развело в стороны. Мелани кричала о помощи и пыталась удержать изгибающееся тело. Конвульсии ломали Мартина, из его рта пошла пена, он хрипел, а все датчики будто сошли с ума, мигая красными лампочками. Ломаная кривая его сердечного ритма вдруг превратилась в тонкую нитку, тянущуюся под оглушающий высокий сигнал, а Мартин обмяк на койке.

– Дедушка! Скорее! – Мелани кричала, не замечая слез, катящихся по щекам.

Профессор уже вкалывал мальчику какой-то стабилизирующий препарат, но сердечный ритм не восстанавливался, продолжая свою высокую ноту неподвижности.

Мелани наклонилась к Мартину, она только сейчас ощутила, как легко он может уйти, оставив ее один на один с этим городом, школой, кошмарными снами и страхами.

– Мартин! Мартин, прошу тебя, не надо! Мартин, я же так не смогу! – Она кричала, наклонившись к койке, вцепившись в его руку.

– Мартин, ты слышишь меня? Ты должен быть сильным, ты должен жить. Нельзя сдаваться сейчас. – Профессор говорил негромко, голос его слегка подрагивал, он напряженно смотрел в лицо Мартина. Оно было бледным и бесстрастным, совсем лишенным жизни.

Профессор опустил на колени и обхватил плечи внука руками, он шептал ему на ухо:

– Не умирай, прошу, не умирай, ты нужен мне, ты мне очень нужен. Мальчик мой, прошу.

Мелани молча смотрела на них, забывая вытирать слезы, ее рот кривился от беззвучных рыданий, а она даже не замечала этого. Мартин умирал, и больше ей ни до чего не было дела, он умирал на ее глазах, а она не могла помочь, могла только молить его вернуться, молить Бога или тех разумных существ, что сотворили этот мир.

Профессор умолк, все еще стоя на коленях перед Марти. Тишина слилась с единой нотой, обозначающей смерть, – и вдруг прервалась. Прервалась бесконечная нота, тишина, смерть – так просто, всего лишь небольшой штрих на мониторе вместо прямой линии означал, что сердце Мартина забилося, означал новую надежду, веру, счастье, жизнь.

– Он жив! Профессор, он жив! – кричала Мелани, не помня себя.

– Спасибо, спасибо мой мальчик. Ты справился, ты смог, спасибо тебе. – Профессор осторожно пожал плечо Мартина. Он медленно поднялся с колен и подошел к окну.

– Теперь все будет хорошо, дедушка? – Мелани взволнованно следила за ним, не понимая, рад ли он.

Голос профессора звучал хриловато, он ответил, не поворачиваясь:

– Да. Я надеюсь, что да.

Он надеялся, но он ничего не мог знать наверняка. Мартину предстояло перенести еще окончательное подсоединение протезов, его мозг будет соединен с компьютером... Никто не мог сказать, преодолет ли он это испытание.

Мелани проснулась и резко поднялась на кушетке. На лбу выступила испарина, а щеки были мокрыми от слез. Она посмотрела на Мартина – он так же спокойно лежал на белых простынях, голова утопала в подушке, но он был жив, он был жив, а это значило, что он все еще борется. Она подошла к нему и аккуратно погладила его беззащитно раскрытую ладонь. Жаль, она не может отдать ему часть своих сил. Мелани снова легла и закрыла глаза. Вот бы заснуть без снов, просто отключиться и на несколько часов забыть обо всем.

Она не видела, что в эту минуту у Мартина дрогнуло левое веко, свело судорогой бровь. Подключенный к мозгу Мартина процессор вышел из режима сна и заработал. На мониторе

открылся новый документ. На чистой странице появилась точка, затем еще одна и еще. Курсор перескочил на следующую строку, и на ней начали появляться буквы: сначала медленно, а затем все быстрее, будто бы ребенок начал бить ладонями по клавиатуре. Лист заполнился бессмысленным набором знаков и тут же очистился. На чистой странице заново начали появляться буквы, которые на этот раз складывались в слова: «Это Мартин. Я слышу вас. Ответьте мне!» Послание оканчивалось строкой восклицательных знаков. Если считать, что восклицательный знак – возможность выразить повышение тона, то Мартин кричал изо всех сил, срывая горло, но показать это мог, только расцарапав чистую строку этим частоколом палочек и точек.

Утром профессор прошел мимо монитора, сонно потирая небритые уже два дня щеки. Он проводил в клинике по несколько суток в эти дни. Его взгляд невидяще скользнул по монитору, посланию Мартина. Он посмотрел на девочку, спящую на кушетке, подложив ладонь под щеку. Приоткрытый рот, веснушки на носу, длинные ресницы подрагивают во сне – совсем малышка. Профессор вздохнул и с сожалением прикоснулся к ее плечу.

– Мелани, девочка, пора просыпаться. Мэри приготовила поесть, а Рон сможет подвезти тебя до школы.

Мел, будучи еще в полусне, начала подниматься, шарить ногами по полу в поисках обуви. Но осознав, что она еще не опаздывает, хорошенько потянулась и взъерошила свои рыжие волосы, запустив в них пальцы.

– Кажется, сегодня хорошее утро, да?

Профессор улыбнулся. И откуда только в ней эта энергия, этот свет? Чтобы он делал без этой малышки...

– Теперь-то уж точно хорошее, – мягко ответил он, но тут же добавил серьезно: – После уроков зайди домой, узнай, как дела у мамы. Я совсем отнял тебя у нее.

– Конечно, зайду. Но не волнуйтесь, мама справляется и без меня. Она все понимает.

– Хорошо. Так, теперь не спорь. – Профессор достал из кармана несколько денежных купюр и протянул их Мелани. – Я нанимаю тебя на должность медсестры, на полставки.

– Но я же просто хочу помогать Марти. Мне не нужно за это платить.

– Я знаю, но у нас не хватает персонала, а ты делаешь работу, за которую мы обычно платим. Ты думаешь, эти деньги будут лишними? Или они тебя недостойны? Пожалуйста, давай ты не будешь меня обижать и сама не станешь обижаться – и все будет хорошо.

Мелани нехотя засунула купюры в свой школьный пенал.

– Я отдам их маме, можно?

– Это твои деньги, ты можешь распорядиться ими на свое усмотрение, – пожал плечами профессор. – Ну что? Новый день, новые дела! Что там у нас с утренними показаниями?

Мелани молча смотрела на монитор. Она вопросительно перевела взгляд на профессора, будто пытаясь понять, может ли это быть шуткой, затем снова пробежала глазами слова на экране.

– Ну, что там такое, Мелани? – профессор заглянул ей через плечо. Он прочитал текст, и сердце сразу же застучало очень громко, отдаваясь в голове, в груди, в пальцах. Он выдохнул и попытался успокоиться.

– Мелани, девочка, подумай сейчас хорошенько и скажи: ты написала это?

– Нет! Я ничего не трогала! Это значит... – Мелани испуганно, не веря в происходящее, оглянулась на профессора. – Мартин...

Профессор ввел какой-то код и начал быстро печатать: «Мартин, это дедушка! Ты здесь?»

Он и Мелани не отрывали взглядов от монитора. Мелани вцепилась в рукав профессора, ее губы беззвучно шевелились. В таком напряженном ожидании прошла минута. Мелани разочарованно опустила плечи, смущенно убрала руку, осознав, что помяла белоснежный халат профессора. Тот досадливо поправил очки.

– Прости, моя девочка, мне показалось, что ему удалось... – Он прервался. Вдруг на экране снова начали появляться буквы. Они заполнили всю страницу, затем последовательно удалились. И на первой строке чистого файла появились слова: «Я здесь! Я могу отвечать! Я могу!»

Мелани закричала так, как это умеют только тринадцатилетние девочки, и повисла на шее профессора. А тот обнял ее и все перечитывал слова на мониторе, не веря своим глазам.

Мелани, будто опомнившись, подбежала к Мартину, по-прежнему лежащему на больничной коке. Она ожидала увидеть изменения в его лице, но оно было прежним – белым, безучастным, неживым.

– Я знала. Я знала, что у тебя получится, Марти, – прошептала она ему в самое ухо. – Ты молодец!

– Мелани, – голос профессора прозвучал бесцветно. – Мелани, я не знаю, как ответить.

Она прочитала новое сообщение, высветившееся на экране: «Дедушка, а где папа и мама? Где маленький Ларри?»

– Мы не можем скрывать от него. Но... – Профессор еще раз взглянул на осунувшееся лицо мальчика, на его строгие тонкие губы.

– Мы должны сказать.

Мелани решительно придвинула клавиатуру и начала набирать: «Мартин, дедушка и Мелани здесь, с тобой. Но произошла катастрофа. Папы, мамы и Ларри больше нет. Будь сильным. Мы любим тебя». Она посмотрела на профессора, ожидая, что он остановит ее, но он молча смотрел на монитор. Она отправила сообщение, ощущая при этом, будто запустила в беззащитного друга камнем.

«Иначе нельзя», – стучало в ее голове.

Монитор белел пустотой страницы. Моргал курсор, ожидая появления новых символов.

Профессор повернулся к Мартину и увидел, что из его левого глаза из-под ресниц текут слезы, сбегая по виску и теряются в волосах.

– Тебе придется быть сильным, мой мальчик, так уж случилось, – тихо шепчет он. – Так уж случилось...

Мартин не выходил на связь весь день. Мелани подходила к монитору, но только курсор продолжал глупо подмигивать, будто обещая новые буквы. Она вставала ночью, но монитор так же светился белым. Следующие день и ночь Мартин не давал о себе знать. Не выдержав ожидания, Мелани набрала сообщение и после долгих терзаний отправила ему: «Мартин, скажи что-нибудь. Мы с дедушкой здесь, мы по тебе очень скучаем!» Она смотрела в монитор с отчаянным ожиданием, но курсор продолжал тихо подмигивать, и ни слова не появлялось в ответ...

.....

...Мартин не ощущал своего тела, он будто бы пребывал в огромной светлой комнате, где не было видно ни пола, ни потолка, ни стен, хотя они, конечно же, были, иначе что же это была бы за комната? Сообщение Мелани прозвучало в его сознании. Это произошло так странно: он видел слова, но не слышал голоса. Он вдруг понял, что эти слова были адресованы ему, и он мог ответить на них, лишь сосредоточенно подумав об этом. Сейчас ему было так пусто, что отвечать что-то казалось просто сверхъестественным действием.

Он не понимал, что с ним, где он, он не помнил, что случилось. Но он знал, что родителей больше нет с ним. Они были мертвы, а это значило, что мама никогда больше не будет залиристо смеяться, откидывая назад голову, не будет ерошить ему волосы теплыми пальцами, не будет смешно целовать его по-эскимосски – носом, а папа никогда не посмотрит на него серьезно, смеясь при этом одними глазами, не скажет: «Ты все правильно понял, сын» – так, что Мартин почувствовал бы внутри тепло разливающейся гордости. И Ларри мертв... Маленький Ларри... Разве могут умирать малыши? Разве могут умирать папа и мама?

Он не чувствовал своего тела, но чувствовал, что плачет. Если бы он не плакал, то не смог бы дышать, он знал это. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как ему впервые удалось заговорить с бабушкой и Мелани. Иногда ему казалось, он слышит их голоса, чувствует тепло прикосновений, а иногда он словно оказывался совсем один, и в этой просторной светлой комнате становилось темнее и холоднее. В такие моменты ему совсем не хотелось двигаться, а, наоборот, закрыть глаза и свернуться калачиком на полу. Сейчас он вдруг почувствовал чье-то присутствие. Вдалеке очертились бледные силуэты. Они становились четче, приближались, и вдруг он различил фигуры родителей.

– Мама! Папа! – он бросился к ним, прорываясь через густой воздух, как через толщу воды. – Я боялся вас больше не увидеть, я думал, вас больше нет!

Он хотел обнять их, но не смог. Только ощутил тепло, но не твердость тел.

– Марти, мой милый, здравствуй! – Мама смотрела на него, а в глазах ее стояли слезы.

– Здравствуй, малыш, – голос отца звучал хрипло.

– Я соскучился! Мне страшно здесь одному!

– Не бойся, ты не должен бояться. Мы так любим тебя, что наша любовь защитит тебя от любой опасности.

– Вас больше нет? Это правда? – его голос сорвался.

– В этом мире – правда. Но мы будем всегда. И ты будешь всегда. Сейчас тебе трудно это понять, но, поверь, это так. Поэтому не нужно бояться, нужно радоваться и жить. Понимаешь? – Мартин ощутил тепло, будто бы его нежно и крепко обняли любимые руки.

– Не бойся жить, Мартин. Не бойся боли, не бойся испытаний, не бойся чувствовать – все это жизнь, а значит, все это счастье. Поверь нам, малыш. Возвращайся.

Если может быть горькое счастье, то Мартин ощущал его в полной мере.

Он понял, что должен делать.

.....

...Мелани не получила ответа на сообщение и целый день ходила из угла в угол, проходя мимо компьютера, заглядывала в монитор в надежде увидеть новые слова, напечатанные Марти, но каждый раз разочарованно опускала голову и снова проделывала свой путь к окну и обратно. «Очень скучаем!» – ей было так неловко и стыдно читать эти жалобные слова.

Она снова взглянула на экран и привычно сделала пару шагов к окну. Ей потребовалась секунда, чтобы осознать, что Мартин ответил. Она кинулась обратно к монитору. «Я хочу жить. Что я должен делать?» – читала она. Не верила, читала снова и снова.

– Дедушка, быстрее! Мартин ответил! – закричала она, опомнившись.

Профессор, разбиравший бумаги в дальнем углу палаты, быстро пересек комнату. Прочитав сообщение Мартина, он удовлетворенно улыбнулся, будто бы знал, что так все и будет.

– Хорошо, я не сомневался в моем внуке. Напиши ему, что мы его услышали. Напиши, что мы верим в него, что мы его поддержим. Напиши, что мы будем учиться!

Мелани удивленно свела брови.

– Учиться? Но как?

– Очень просто, смотри, – профессор наклонился к экрану. – Итак, найди-ка файл Мартина. Так, теперь подключайся к Интернету. Загрузим для начала учебную литературу, я подготовил список.

Они загрузили учебники по всем предметам. Мелани хотела напомнить, что они с Марти еще не проходят астрономию, химию, физику и высшую математику, это только для старшеклассников, и то не для всех. Но, посмотрев на сосредоточенное лицо профессора, примолкла.

Учебники были отправлены Мартину, их поглотило его сознание, а уж как он распорядится этой огромной информационной базой, Мелани и профессор не могли знать наверняка. Они оба восторженно смотрели на экран, когда на нем появились новые слова, написанные Мартином: «Я могу выходить в Интернет?»

– Кажется, наш мальчик действительно настроен на работу. Инициатива в такой ситуации – это хороший знак. – Профессор держался деловито и сдержанно, но внутри него билась радость. Как хорошо, что он уже создал программу-помощника для мальчика! Он верил в Марти не зря!

– Мелани, оставь линию открытой, а вот эту программу скопируй в папку Мартина, – он протянул девочке флеш-карту.

– Что это? – Мелани все еще была ошарашена происходящим.

– Это программа искусственного интеллекта. Сейчас Мартин сталкивается с огромными объемами информации, ему нужно будет не только узнать много нового, но и заново научиться видеть мир, управлять своим телом, общаться. Ему нужна постоянная поддержка, для этого я и создал Ларри.

– Ларри? – Мелани переспросила. – Как щенка?

– Ну да, ведь на этом сложном пути ему потребуется преданный друг, а мы с тобой пока не всегда можем до него достучаться. Ларри же будет в его сознании всегда, готовый помочь.

Мелани вставила флеш-карту, и на мониторе появился анимированный белый щенок. Девочка нажала клавишу ввода, и щенок исчез.

– Ну вот, теперь Марти не один, а мы с тобой можем немного передохнуть, – профессор удовлетворенно кивнул.

.....

...Мартин не знал, что может читать и запоминать так много. Удивительное ощущение всеохватности его сознания не оставляло его с тех пор, как он увидел образы родителей. Родители ушли, растворившись в бесконечности окружавшего его пространства, оставив ему ощущение теплоты. Мартину совсем не было страшно. Он почему-то чувствовал себя защищенным. Ему скорее было интересно – огромное количество информации поступало извне. Мартин сам не понимал, как, но книги проникали в его память и оставались там, превращаясь в знания. Он не пробежал глазами строки и не слушал чтение вслух. Книга, будто информационное облако, вдруг обволакивала его, заполняя окружающее пространство, и через секунду он понимал, что сигнал считан, книга усвоена. Мир становился все интереснее с каждой секундой, Мартин начал понимать, как сложно, интересно, прекрасно он устроен. Он проглатывал книгу за книгой. Наконец он ощутил странный дискомфорт, но не понимал, в чем дело. Если бы он мог чувствовать свое тело, он бы ощутил ломоту в затылке и шум в висках – такому количеству знаний нужно время, чтобы улечься в мальчишеской голове.

Мартин напрягся, и ему показалось, что он поднял руку и помассировал ею затылок. Тело его лежало неподвижно на койке, где его и оставили профессор и Мелани, но в своем сознании он уже не мог быть бестелесным. Ему нужно было прыгать, бегать, отвлекаясь от постоянных умственных перегрузок. И сознание умело создало иллюзию физических телесных ощущений. Мартин не до конца понимал, как это произошло, он просто радовался возможности вновь ощутить себя полноценным мальчишкой.

– Ого, как это странно и здорово! – Колени пружинисто согнулись, он оттолкнулся и высоко подпрыгнул, приземлился и, не удержав равновесия с непривычки, упал на выставленные вперед руки. Он ошарашено покрутил головой и рассмеялся. Вскочил, потянулся, вскинул руки и сделал колесо. На этот раз он ловко вскочил на обе ноги и снова рассмеялся от радости и облегчения.

Вдруг он заметил, что кто-то приближается к нему издалека. Очертания были нечеткими, но он уже понимал, что это не человек, а скорее небольшое животное. Он напряженно вглядывался, и вдруг, разобрав, кто это, восторженно вскрикнул и кинулся со всех ног навстречу. Неловко переваливаясь, к нему спешил пушистый щенок. Он уже научился как следует ходить, но так размахивал хвостом от радости, что ему было трудно держаться на ногах. Белая пуши-

стая шерсть, умные глаза и угольно-черный нос – это был Ларри, тот самый Ларри, неловкий и смешной малыш, которого Мартин так полюбил, по которому так горевал.

– Ларри! Это ты?! – Мартин уже хотел было зарыться пальцами в теплый мех, прижать к себе своего любимого пса, но неожиданно услышал в ответ размеренную речь:

– Я программа искусственного интеллекта, я создан, чтобы во всем помогать тебе. Я буду хорошим другом, Мартин.

Спокойный голос так не вяжется для Мартина с образом его глупого маленького щенка, что он остановился, не зная, как вести себя дальше.

– Так значит, ты не настоящий? Ты программа? – Его голос звучал немного разочарованно. – И о чем я только думал... Откуда здесь взяться живому щенку...

– Ты рассуждаешь не совсем верно, Мартин. Что есть реальность? Что значит настоящий? Я создан разумом человека, я мыслю, а следовательно, существую. Нам еще предстоит узнать, кто это сказал и по какому поводу. Нам многое предстоит узнать вместе...

– Да, прости, Ларри. Конечно, ты настоящий... Ты существуешь здесь, как и я. Я ужасно рад тебе, правда. Мы ведь станем хорошими друзьями, да?

– Конечно, для этого я и создан. Чем ты хочешь заняться? Я просканировал информацию, полученную тобой за последние несколько часов. Похоже, ты неплохо поработал, и теперь стоит дать голове отдых. Не хочешь поиграть во что-нибудь?

– Ура! Конечно, хочу! – Мартин подпрыгнул от радости.

– Перед тобой огромный выбор игр и развлечений – Интернет переполнен подобными ресурсами. Я подобрал для тебя лучшие игры из самых разных направлений. Начнем же?

Так потянулась новая жизнь Мартина, несмотря на то, что его тело неподвижно лежало на больничной койке. Это была насыщенная жизнь, сложная, интересная. Он постоянно учился, огромные тома, найденные в электронных библиотеках, загружались в его память. Он давно одолел школьный курс и теперь продвигался вглубь наук, осваивая специальную научную литературу по физике, химии, биологии, медицине, математике. Он запоминал стихи, романы, философские трактаты и исторические документы. Ему удавалось совместить знания, полученные в самых разных научных отраслях, и, соединившись, подобно фрагментам пазла, они составляли для него новую полную и глубокую картину мира. Он ощущал зависимость каждой детали от общей конструкции, и чем больше узнавал, тем сильнее желал знать больше.

Его обучение не ограничивалось абстрактными знаниями. Под внимательным взглядом Ларри он постигал основы боевых искусств, обращения с оружием, учился водить машину и самолет. Его сознание запоминало, какие сигналы нужно будет послать телу во время прыжка с парашютом, обороны в ближнем бою, стрельбы из автомата и пистолета. Он учился медитировать, управлять своим телом, болью, страхом и возбуждением. Его тело пока было неподвижно, но Мартин знал, что наступит тот момент, когда он встанет с кровати, и его мозг будет подготовлен терпеть и принимать боль восстановления, а в памяти уже будут заложены приемы и трюки. Нужно будет только подождать, пока его тело немного окрепнет.

Когда же он чувствовал, что затылок начинает тяжелеть и виски сдавливают усталость, Ларри предлагал ему поиграть, и Мартин с радостью отдавался игре всей своей детской сущностью. Была ли это охота на вампиров, гонки «Формула-1» или соревнования на сноубордах, он со смехом или страхом, но всегда азартно тратил на эти забавы свое время без капли сожаления.

Моменты, когда в своем сознании Мартин особенно увлекался игрой, физическими испытаниями или погружением в дебри науки, можно было отследить, наблюдая за его физическим лицом. Профессор неоднократно замечал, как дрожат ресницы, как заливаются румянцем щеки, как учащается сердечный ритм и даже пробегает судорога по мышцам мальчика, казалось бы, атрофировавшимся. В такие секунды он спешил позвать Мелани и порадовать

ее этими еле заметными проявлениями жизни. Только эта маленькая девочка могла понять, насколько они важны, как много они обещают и как о многом говорят.

Профессор и Мелани видели эти тени внутренней жизни Мартина и ликовали. Но внутренняя гроза, потрясая его, осталась незамеченной ими. Мартин просматривал газетные архивы, заголовки мелькали, история города с огромной скоростью загружалась в его память. Вот возведение первого культурного центра, открытие музея, новые дома. Вот он вспоминал, что был там еще совсем малышом, вот празднование Дня города. Он вспоминал и новыми глазами видел все городские трагедии: кризис, крупные аварии, нелепые смерти. Но вдруг загрузка новых файлов остановилась. Мартин, не отрываясь, смотрел на газетный заголовок годичной давности «Взрыв в особняке доктора Стоуна». Он понимал, о чем пойдет речь, но не мог решиться и начать чтение. Наконец он сделал над собой усилие, и обрывки фраз замелькали в его голове: «при невыясненных обстоятельствах», «множество жертв», «невероятная трагедия», «не подлежит восстановлению», «ребенок вряд ли останется в живых», «дело закрыто за недостатком улик»... Он почувствовал, что его горло сдавливают невидимые клещи, впервые за долгое время он будто бы приблизился к своему физическому телу, ощутив боль и бессилие. Он чувствовал, что слезы текут у него из глаз, хотел крикнуть, хотел вскочить на ноги и начать ломать все вокруг, вымещая ярость, которая была так огромна, что казалось, она разорвет его голову, его тело, сведет его с ума.

Тело, подключенное к медицинским аппаратам, сводило судорогой, оно тряслось и выгибалось, будто от электрических разрядов, из закрытых глаз текли слезы, рот приоткрылся и грудь вздымалась от неровного дыхания.

Мартин почувствовал, что перестает контролировать себя и вот-вот потеряет сознание, ему стало страшно от того, какая ненависть поселилась в нем, от того, какую огромную власть она имеет над всеми его чувствами.

– По... помоги... – Он уже не понимал, говорит или думает, но услышал в ответ спокойный голос Ларри:

– Основы медитации, Мартин. Ты должен перестать думать, ты должен отключить разум и дышать. Только вдох. Только выдох. Больше ничего.

Мартин почувствовал, что он не один в этом ужасе, и смог выдохнуть. Вдохнул, насколько мог, глубоко и выдохнул снова. Постепенно контроль над телом и разумом возвращался к нему, и он обессилено повалился на спину. В это же мгновение его тело расслабленно застыло на сбитых простынях. О недавнем приступе говорили разве что упавшее на пол одеяло и испарина на лбу мальчика.

– Мне было страшно, и я не знал, что делать. Я был совсем один, и мое тело и мое сознание оставили меня. Я боялся, что умру. Ларри, ты слышишь? – Он испуганно смотрел на окрепшего за это время пса.

– Я слышу, я тоже чувствовал твою боль, твой страх. Но ты должен научиться использовать эту энергию. Сейчас ты не можешь управлять собой, и воспоминания, вызвавшие шок, чуть было не погубили тебя. Но ведь ты впервые почувствовал связь с телом, верно? А значит, скоро ты сможешь вернуться в физический мир. Мы вместе научимся делать так, чтобы эта ярость давала тебе силы для новых свершений, мы обуздаем и одомашим ее, понимаешь, Марти? Мы одолеем эту слабость и сделаем ее нашим преимуществом.

– Хорошо. Только... будь со мной рядом. – Мартин зарылся лицом в густую шерсть друга.

.....

...Ход жизни замедлился. Время не ощущалось, оно превратилось в густую массу, в которой можно было медленно плыть, расслабив руки и ноги, можно было заснуть и проснуться, не заметив перемен. Такой казалась Мартину его жизнь. Он продолжал много читать, следил за новостями и воспитывал свой разум и дух, осваивая все новые и новые дисциплины боя и самозащиты, постигая глубины медитации. Но его тело все еще не было готово к жизни,

он больше не ощущал его и не знал, когда снова сможет ощутить физическую тяжесть своей руки, согнуть и разогнуть пальцы, почувствовать прикосновение живого человека. Дедушка и Мелани были рядом, он знал это, он рисовал их образы. Но он не видел их. А мечтал видеть, прикасаться, говорить и слышать ответные голоса, а не только воспринимать сообщения.

Он не чувствовал, сколько времени прошло, ему казалось, что бесконечность. И бесконечность могла длиться еще и еще, а могла оборваться в следующую секунду.

А в действительности времени прошло немало – пять лет. Мелани повзрослела, круглое личико обрело новые тонкие черты, и без того серьезные глаза – новую глубину. Она все так же проводила дни в больнице, только теперь она куда увереннее обходилась с оборудованием и больными, за эти годы став профессиональной медсестрой. Профессор чуть сторбился, его волосы стали еще белее, но взгляд и улыбка по-прежнему озаряли светом. Он все так же по-детски открыто и живо отзывался на все новое, читал научные статьи, забывая про все на свете. Они с Мелани превратились в небольшую семью, а центром этой семьи по-прежнему был Мартин.

За эти пять лет работа над восстановлением его тела не останавливалась. Профессор продолжал развивать и совершенствовать протезы, которые со временем стали неотъемлемой частью тела Мартина. Их уже не нужно было отсоединять. Механический глаз был окончательно готов к функционированию и казался естественным на фоне металлической полумаски, составляющей левую половину лица юноши. Профессор ждал, что его мальчик проснется и почувствует свое тело готовым к движению, а не тяжелой обузой. Мелани с удивлением следила, как меняется внешность ее друга. Несмотря на неподвижность, он все же рос, его черты становились строже и взрослее, темные волосы отросли и теперь лежали на подушке черной волной, даже плечи стали шире и не казались такими слабыми рядом с мощными механизмами протезов.

За эти пять лет профессор и Мелани видели разные признаки внутренней жизни Марти, научились по мельчайшим изменениям в линии губ и бровей, по дрожи ресниц, по усиленному дыханию понимать, радуется он или печалится, активно работает или медитирует, почти оставив сердцебиение. Они общались с ним, отправляя сообщения, часто оставаясь за монитором компьютера до утра, не в силах прервать разговор. Они жили как настоящая семья, поверяя друг другу радости и печали, спрашивая совета и делясь мечтами. Они ждали только одного: когда тело Мартина оживет, когда они приступят к новой, невероятно трудной, но и невероятно радостной фазе его жизни. Они знали, что эта фаза наступит...

– Скоро, Мелани. Я знаю, что уже скоро ему придется выйти из темноты внутреннего мира. Помнишь, я говорил, что он глубоко под толщей воды? Так вот, сейчас он поднялся к самой поверхности. Еще один толчок, небольшое усилие – и он вынырнет из воды, а солнце, что кажется сейчас размытым и бледным, ворвется в его жизнь и ослепит. Сначала ослепит, а только потом согреет, сначала ослепит, а только после – поразит красотой. Понимаешь меня, Мелани? Это страшно. Поэтому он все еще ждет. Но это чудо, от которого нельзя отказаться, поэтому я верю в Мартина, я не сомневаюсь в нем ни на секунду.

– Я понимаю, я все понимаю. Все так, дедушка, все именно так.

.....

– Не пойму, что не так с этой штуковиной, – водитель Рон возился с насосом, подающим воду в фонтан. – Лето на дворе, жара. Наша Мелани меня спрашивает: «Дядя Рон, отчего не почините наш фонтан?» А я знаю? Он отродясь не работал... Но подождите, я с ним разберусь...

– Ты хорошее дело затеял, Ронни, – медсестра Мэри ободряюще похлопала его по плечу. – Будет нам радость в жаркие дни. А как красиво он будет играть на солнце, ты только подумай!

– Скоро, скоро, – отрывисто отвечал Ронни, не готовый тратить свое время и силы на разговоры. Он углубился в работу в полной уверенности, что скоро доведет дело до конца.

– Пять лет этот фонтан не работал, разве что чудо сотворится, а то торчать там тебе, милый мой, до зимы, – пробормотала Мэри, направляясь к лечебному корпусу.

Мартин по-прежнему лежал неподвижно на своей, хоть и оснащенной по последнему слову медицинской техники, но все же койке. Мэри привычно прошла через палату, занесла утренние данные в историю болезни и раскрыла плотные шторы, впустив в палату солнечные лучи.

– Пусть немного погрееется на солнце, бедный мальчик, – приговаривала она, протирая пол влажной шваброй. – А то ведь совсем бледный лежит, как будто неживой.

Полоска света легла Мартину на лицо.

– Солнце – это ведь тоже лекарство. От солнца и растения оживают, – бормотала Мэри и взялась было поливать цветы на подоконнике, но замерла с лейкой в руке. С резким звуком столб воды прочертил небо и рассыпался брызгами, играющими солнечными бликами. Поток ослаб, но тут же ударил с новой силой, и вот уже несколько струй старого фонтана играли на солнце.

– Неужто получилось? Вот это чудо! – Мэри восторженно смотрела в окно.

В это время Мартин согнул руку в локте и поднес кисть к глазам, закрыв их от слепящего света. Он увидел блестящий механизм – каждый палец – техническое чудо, обвел глазами комнату: белый потолок, стены, яркие зеленые пятна слева – это цветы. Он повернул голову и увидел, что за окном, переливаясь и играя на солнце, ослепительно блестели водяные струи старого фонтана.

– Как... Красиво... – прошептал Мартин и закрыл глаза, обессиленный первыми впечатлениями новой, еще одной своей жизни.

Он не видел, как Мэри подбежала к нему, не веря своим ушам и глазам. Не слышал, как она звала профессора, захлебываясь, пересказывала ему:

– Поднял руку, видела своими глазами! Поднял руку, посмотрел в окно, прошептал что-то и снова уснул! Профессор, я работаю в клинике вот уже тридцать лет, мне ли не быть уверенной!

Он не видел счастливых слез бабушки. Не видел, как Мелани закрыла лицо руками и залилась смехом, таким счастливым, таким безудержным, что суровый старик Рон улыбнулся, услышав его из окна.

Пять лет стали ступенью к новым годам труда, к морю усилий и боли. Но ничто не могло сравниться со счастьем от преодоления этой маленькой ступени.

Когда ты впервые за пять лет поднимаешься, поворачиваешь голову, открываешь глаза – это боль. Солнце спит, сами собой катятся слезы. Когда ты двигаешь руками – заново учишься управлять совершенно чужими тебе железками, которые должны стать твоими помощниками, а пока только руют аппаратуру, отказываются подниматься или опускаться, – это боль, боль, боль в суставах, мышцах, во всем полуживом-полумеханическом теле. Когда ты впервые с усилием садишься на кровати – это счастье. Это победа и праздник. Но счастье – это секунда. Мартин теперь понимал это. Счастье – это секунда, ради которой нужно работать и чувствовать боль. Через секунду, ощущая слабую улыбку на губах, ты уже падаешь на пол, снова потеряв контроль над своими неловкими конечностями. Падаешь, ощущая новую боль. Боль во всем теле, боль, доходящую до самого центра мозга, будто бы прогрызающую себе дорогу, выющую гнездо где-то там, внутри несчастной головы.

Мартин научился договариваться с ней, научился задабривать свою боль. Они почти стали друзьями. Ведь когда проводишь с кем-то бок о бок практически все время, нужно находить какие-то компромиссы. Он убаюкивал ее, ложась спать. И просил: «Тише-тише-тише», когда медленно шел на онемевших ногах, опираясь о стену и бессильно сползая на пол. «Тише-тише-тише» – он знал, что боли не миновать, просто мысленно просил ее не свирепствовать над ним, побежденным. И когда он признавал себя побежденным, боль слегка утихала, видно,

почувствовав свою и без того беспредельную власть. Но с новой силой она взвивалась, когда он, уже было упавший и замерший на полу, поворачивался на живот и начинал ползти, сжав свои наполовину металлические челюсти, не замечая, как из левого глаза текут и текут злые слезы. Боль будто бы боялась проиграть. А Мартин будто бы знал, что когда-нибудь она действительно проиграет. И поэтому позволял себе это унижительное попрошайничество: «Тише-тише-тише», потому что за всеми падениями, ударами, судорогами и сдавленными криками лежала его, Мартина, победа над самим собой, над болью, над смертью.

Мартин ждал этой победы как резкого удара, как вспышки света, как оглушительного рева болельщиков, разрывающего тишину. Но она не была такой. Победа рассыпалась, как брызги фонтана, а он собирал ее по частям и все никак не мог собрать. Он почувствовал, что частица победного ликования у него в кармане, когда впервые, пошатываясь на слабых ногах, секунду простоял без чьей-либо помощи, а затем мешком повалился на пол, разбив губу. Еще кусочек победы он зажал в кулаке, когда, балансируя руками, прошел от койки к окну и, обернувшись, увидел зеленые искорки в глазах смеющейся Мелани. Когда под ободряющие крики деда прошел по еле ползущей ленте беговой дорожки свои первые пятьсот метров и упал без сил, еле дыша и обливаясь потом. Когда с испариной на лбу вывел кривую букву М в детском альбоме для рисования, зажав в руке огромную ручку для начинающих восстановление координации.

Иногда он забывал, что по частям он собирает свою победу, что его счастливая жизнь началась. Что сейчас, в эту самую минуту он должен быть благодарен судьбе за невероятную боль, потому что мог бы не чувствовать ничего и лежать неподвижно, быть мертвым. И тогда боль совсем забирала его, поражая не только тело, но и охватывая отчаянием его разум.

Так случилось, когда он, в очередной раз пытаясь подняться с пола после изнурительной тренировки, обернулся и случайно увидел в зеркале свое отражение: наполовину человек – наполовину робот, с лоснящейся от пота спиной, со спутанными волосами, падающими на бледное лицо.

– Ты ничтожество! – крикнул он отражению с негодованием. Ярость и отвращение захлестнули его, и он, сам не понимая, откуда берет эту нечеловеческую силу, согнул пополам и сломал металлическую раму для ходьбы. Он запустил обломками в зеркало, желая уничтожить это подобие человека, это проявление слабости там, где должна царить сила, желая уничтожить самого себя...

Он швырнул тяжелые обломки и застыл на полу, усыпанный осколками стекла. Тогда ему казалось, что сил не осталось совсем, что он не встанет никогда и умрет здесь, на полу, а из осколков зеркала ему будет ухмыляться неповерженная боль, непобежденная слабость. Его вывел из оцепенения голос, такой домашний, будто бы совсем не встревоженный, а скорее строгий, очень родной.

– Ну и что ты тут делаешь? – Мелани мягко прикоснулась к его плечу.

– Я больше не могу, Мел, – он умоляюще посмотрел ей в глаза, будто прося разрешения сдаться. – Посмотри на меня...

– А ты посмотри на меня. Нет, не отворачивайся, посмотри мне в лицо, – она удержала его подбородок и заставила снова поднять глаза. – Смотри и слушай внимательно. Ты, Мартин Стоун, даже и не думай себя жалеть. Ты самый сильный человек из всех, кого я знаю. И я верю в тебя. Слышишь? Ты справишься с чем угодно, потому что тебя так сильно любят, что мне даже страшно думать о том, что так бывает. Понимаешь меня, ты понимаешь? – она слегка тряхнула его за плечо.

Мелани говорила строго, даже немного грубовато. И Мартин с удивлением открывал в ней новые стороны, новую, раньше не знакомую ему решимость, силу, страсть.

– Страшно подумать, как сильно тебя любят, Мартин Стоун. Так что перестань себя жалеть и улыбнись мне сию же минуту! – Мелани продолжала пристально и строго смотреть ему в глаза. – Улыбнись, а не то я так тебе всыплю, что мало не покажется!

Мартин представил себе, как хрупкая рыжеволосая Мелани решительно колотит его бездыханное тело своими маленькими кулачками, и усмехнулся. Мелани прыснула в ответ. И через минуту они оба уже покатывались со смеху, останавливались и, едва переведя дух, заливались смехом снова.

Этот безудержный смех, смех, соединившийся с болью, Мартин потом вспоминал как один из самых крупных осколков своей победы. Этот осколок он всегда считал наполовину принадлежащим Мелани.

...Тренировки чередовались с новыми операциями. Тело Мартина обтянули тончайшим слоем силикона со встроенными микрочипами. Он испуганно отдернул руку, впервые за пять лет ощутив возможность осязания. Он все не мог успокоиться и гладил свое лицо, аккуратно проводил пальцами по изрезанному морщинами лбу деда, по удивительно мягкой щеке Мелани, трогал гладкие листья деревьев, нагретую солнцем кирпичную кладку стены, грациозно изогнувшуюся спину соседской кошки и не смог сдержать смеха, когда та лизнула его пальцы своим шершавым языком. Новая кожа казалась совсем настоящей, и Мартин начал выходить за пределы клиники.

Поначалу ему казалось, что все прохожие смотрят только на него, его неуклюжую хромотую походку, на его бледное лицо, на его нестройную мимику. Пройдясь вдоль больничного забора в третий, четвертый, пятый раз, он понял, что никому до него нет никакого дела, он сам придумал себе косые взгляды и кривые усмешки. И ему даже стало немного обидно, что никого не интересуется человек, заново научившийся ходить.

– Ну ты посмотри на них, идут себе по своим делам, а я тут практически цирковое представление показываю! – шутливо восклицал он, когда Мелани сопровождала его во время очередной прогулки.

– И вправду! – она с готовностью поддержала шутку. – Но, слава Богу, хотя бы один постоянный почитатель у тебя есть. Давай-ка возвращаться домой. Или вернее сказать: бис!

...Шутя, отвлекая себя от боли, он отвлекал себя и от воспоминаний. Но рано или поздно они должны были догнать и ударить больнее любых несросшихся костей, любых растянутых связок. Он знал это и внутренне готовился к этому удару, не желая, чтобы он стал ударом из-за угла, ударом, перехватывающим дыхание.

.....

Но, видимо, к некоторым ударам невозможно быть готовым. Он стоял, опираясь на трость, и локтем чувствовал дедов локоть. Перед глазами прыгали и расплывались лица родителей, выгравированные на внушительной могильной плите. «Кристофер и Элен Стоун. Любящие и любимые», а дальше годы жизни, после несложных вычислений открывающие невыносимо короткие временные отрезки. Мартин уже отчаялся удержать слезы, и они катились из левого глаза, горячие и странным образом облегчающие дыхание, срывались с острой скулы и высыхали под порывами ветра. Он повернул голову и увидел лицо дедушки, его милого старика. Каким слабым он казался сейчас! Горе прибило его к земле, навело тень на лицо. Его вечно живые, любопытные, по-детски ясные глаза сейчас показались Мартину выцветшими. Он поспешил стереть свои слезы и крепко сжал дедушкино плечо, как будто его внутренняя сила могла передаться через это грубоватое мужское прикосновение.

– За что их убили, дедушка? Это ведь никакой не несчастный случай, это понятно даже чудаку, проспавшему пять лет.

Профессор попробовал улыбнуться, но не смог. Он бессильно пожал плечами:

– Неизвестно. Твой отец был в тот момент на высоте. Многие сильные люди входили в его круг. Иногда, чтобы договориться с такими людьми, необходимо договариваться с собственной

совестью, а твой отец не любил и не умел этого делать. Дело сдали в архив, мой мальчик, за неимением улик.

– С одной стороны я понимаю, но с другой – отказываюсь понимать. Папа, мама, еще десяток друзей нашей семьи... Дедушка, у отца были враги? Ведь это целенаправленное уничтожение. Такое нельзя совершить просто так, между делом.

– Не знаю, мой мальчик, не знаю. Он не говорил со мной о таких вещах, он не считал нужным отвлекаться на глупых, жестоких людей. С ним мы много говорили о будущем клиники, о его работе, о его идеях... Он был очень талантлив, знай это.

– Знаю... – Мартин вздохнул, будто решившись признаться в слабости. – Я очень скучаю, все еще невыносимо скучаю по ним, дедушка.

– Я тоже, Мартин, я тоже. Но мы должны продолжать жить! Я знаю, иногда это кажется невозможным, но это необходимо. Когда твоя бабушка умерла, умерла нелепо, слишком рано – от руки уличного грабителя, нам с Крисом казалось, что жизнь кончилась. Но потом мы поняли, что мы есть друг у друга. Я осознал, какое это счастье – растить чудесного сына. А как я гордился им! Он всегда был ужасно самостоятельным, с детства мечтал стать врачом. Я все пытался приобщить его к научной работе, но он отказывался. Он был мечтателем, мой мальчик. Он говорил, что хочет сделать этот мир немного лучше, и, оставаясь хирургом, он видел эти изменения после каждой удачной операции. Что ж... Он был гениальным врачом. Они с твоей мамой были чудесными... Чудесными... Ну, что это я, ты все знаешь и так.

Они медленно покидали кладбище: старик с белоснежной шевелюрой и яркими голубыми глазами медленно шел рядом с прихрамывающим юношей, чье тонкое лицо чуть кривилось то ли от боли, то ли от горечи. За их спинами от тени внушительного надгробья отделился человек в темной куртке и бейсболке с низко опущенным на лоб козырьком.

– Старик и калека. Удачно, – проговорил он себе под нос, глядя в спины впереди идущих. Он прикинул расстояние до машины, что дожидалась его недалеко от входа, еще раз оценивающе посмотрел на фигуры профессора и Мартина, сплюнул себе под ноги и ускорил шаг. Быстро поравнявшись с профессором, он резко рванул из его расслабленной руки портфель.

Профессор вскрикнул от неожиданности и на секунду встретился взглядом с грабителем – мелькнуло ожесточенное, грубое лицо, мутные, будто рыбы, глаза. В памяти профессора вспыхнула страшная ночь, насквозь промоченная дождем, пропахшая дымом и кровью, пропитанная горем. Тогда это лицо так же стремительно мелькнуло перед его глазами, и он остался стоять, чувствуя неловкую легкость в руке, еще недавно оттянутую ношей подарка. Робот для внука. Подарок для внука. Как странно снова наткнуться на этого человека спустя почти семь лет, когда робот перестал быть игрушкой для его внука, а обратился в неотъемлемую часть его жизни в буквальном понимании: Мартин теперь сам наполовину робот...

Мысли пронеслись в сознании профессора, он даже не успел испугаться, скорее удивление застыло на его лице. Грабитель по инерции отвел руку с портфелем назад и качнулся вперед, собираясь бежать к своему напарнику, но вдруг резкая боль пронзила его руку. Он закричал, обожженный неожиданной и непрекращающейся болью, и увидел перед собой широко раскрытые и будто остекленевшие глаза молодого человека.

Эти секунды растянулись для Мартина в бесконечность, все движения казались до невозможности плавными и тягучими, а в голове воцарилась глухая тишина. Будто бы он вдруг оказался под водой. Не отдавая себе отчета, он резко схватил парня в бейсболке за руку, еще даже не осознав, но почувствовав, что это нужно сделать. А затем, увидев его испуганное и ожесточившееся лицо, ощутил, как по телу, от головы и дальше, по рукам и ногам, растеклась ярость. Он сжал руку грабителя, и портфель упал на землю, под пальцами Мартина что-то хрустнуло. Он перехватил руку иначе и с силой швырнул мужчину на землю. Он заранее знал, как именно тот упадет, знал, какие именно кости потенциально могут быть сломанными. Это в памяти возрождались заученные когда-то навыки боевых искусств. Он прижал грабителя

ногой к земле, тот уже еле дышал, распластавшись в пыли, а Мартин все давил и давил ногой ему на грудь, сладостно предвосхищая, как через пару мгновений захрустят кости в области солнечного сплетения и этот отвратительный человек перестанет жить. Он вовремя опомнился и убрал ногу, ощутив, что сдавленные крики грабителя заменились молчанием – бедолага уже потерял сознание.

Мартин еще смотрел на безжизненно обмякшее тело у своих ног, когда к нему подскокил второй парень с судорожно зажатой в руках битой. Он увидел, что его напарник упал, и решил, что лучше этого неудачника справится с калекой и стариком. У него под сиденьем машины была припасена укороченная бита, уже давно заботливо утяжеленная вкрученными в нее шурупами. Он разбил этой малышкой не одну голову и сейчас не сомневался в своем превосходстве.

– Эй, клоун, полегче! – Он замахнулся было, но бита скользнула по воздуху, не задев этого бледного парня.

Мартин видел, как бита медленно движется ему навстречу, как меняется напряженное лицо нападающего. Он неспешно отклонился, пропуская биту, и, сделав хороший размах, резко ударил парня кулаком в грудь. Он почувствовал, как она подалась под его рукой, как будто была сделана из сухих веток...

Грабителя с битой согнуло и отбросило назад к машине. Оставив спиной глубокую вмятину, он застрял в погнувшемся корпусе машины. Боковые стекла разлетелись на мелкие осколки, засыпав газон и сиденье в салоне машины. Стоная, парень пытался высвободиться, похоже, так и не осознав, что произошло.

Наваждение Мартина прошло, и он с недоумением смотрел на свои руки, на грабителей, на встревоженное лицо профессора.

– Что? Что это было? Как это у меня получилось? – он посмотрел на дедушку, будто оправдываясь и ища поддержки.

– Когда после взрыва я впервые увидел тебя в больнице, всего израненного и изломанного, я понял, что судьба коварна. Она дважды посмеялась надо мной, наказав за самонадеянность и наивность. Десять лет назад я написал статью, которая позже была опубликована в медицинском журнале. Статья называлась «Киборг – человек нового времени».

– Да, я помню ее, – Мартин качнул головой, еще не до конца понимая, к чему ведет дедушка.

– Случилось так, что первый киборг в мире – это ты, Мартин. Я должен был изменить твое тело, сделать его более выносливым, сильным, способным к регенерации и быстрому восстановлению. Я должен был сделать это, чтобы спасти тебя. Речь шла не об экспериментах или научном интересе, речь шла о твоей жизни. Теперь ты не только можешь вести полноценную жизнь, но и развивать возможности организма, которые я заложил в тебя за эти годы. Многие возможности трудно научиться контролировать, но ты должен преодолеть себя, тогда труд будет вознагражден, и ты станешь хозяином своей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.